

Искусно сплетенная современная сказка.
The Times Magazine

В.К.ЭНДРЮС

Семена
прошлого

Роман

Вирджиния Клео Эндрюс
Семена прошлого
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Доллангенджеры», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7457035
Вирджиния Эндрюс. Семена прошлого: АО "Вече"; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-11283-4*

Аннотация

Эта книга – продолжение захватывающей саги американской писательницы В. К. Эндрюс о семействе Доллангенджер. Первый роман, «Цветы на чердаке», основанный на реальных событиях, сразу стал бестселлером и был дважды экранизирован. По романам «Лепестки на ветру» и «Розы на руинах» («Сквозь тернии») в 2014–2015 гг. сняты телефильмы с Хизер Грэм и Роуз Макивер.

Фоксворт-холл... С этим роскошным особняком у Кэти и Криса Доллангенджер связано множество ужасных воспоминаний. Но все-таки через много лет они решают вновь поселиться здесь вместе с младшим сыном Кэти, Бартом, который должен со временем стать владельцем поместья. Каково же их удивление, когда на пороге дома их встречает человек, которого считали давно погибшим, – их родной дядя Джоэл! И снова будто какая-то зловещая тень ложится на жизнь Кэти и Криса, заставляя вспомнить былые унижения и обиды...

Содержание

Часть первая	5
Дом Фоксвортов	5
Джоэл Фоксворт	11
Воспоминания	16
Мой младший сын	26
Мой старший сын	32
Синди	43
Приготовления к празднику	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

В. К. Эндрюс

Семена прошлого

V. C. Andrews
SEEDS OF YESTERDAY
Copyright © V. C. Andrews 1984

© З. Зарифова, перевод, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

В. К. Эндрюс (1923–1986) – американская писательница, ставшая необыкновенно популярной сразу после опубликования ее удивительного романа «Цветы на чердаке», за которым последовали другие книги захватывающей саги о семействе Доллангенджер. В дальнейшем под именем В. К. Эндрюс вышло еще более 50 романов, неизменно пользующихся любовью читателей. Книги В. К. Эндрюс были переведены более чем на 30 языков мира и проданы в количестве более 100 миллионов экземпляров.

Сильная сторона книг В. К. Эндрюс – сочетание невероятной интриги с состраданием к тем, кто попал в ловушку.
The Times

Искусно сплетенная современная сказка.
The Times Magazine

Семейная сага с захватывающим сюжетом... миллионы читателей не в силах выпустить книгу из рук
Ms London

Часть первая

Дом Фоксвортов

Подходило к концу лето, когда мне исполнилось пятьдесят два, а Крису – пятьдесят четыре года. И наконец мы стали владельцами богатого поместья, как и обещала наша матушка в те далекие годы, когда мне было двенадцать, а Крису четырнадцать лет.

Мы стояли и смотрели на внушающий какой-то страх огромный особняк, который я никогда не ожидала увидеть вновь. И хотя дом был только копией того, прежнего Фоксворт-холла, все во мне трепетало. Слишком дорогую цену заплатили мы оба за то, чтобы сейчас стоять здесь, – эта цена превосходила колоссальные размеры дома, и мне вдруг подумалось, что, может быть, и не стоило возрождать его обгоревшие руины. Однако когда-то давно я верила, что мы оба будем жить здесь, как принц и принцесса, и нас озолотит прикосновение руки сказочного царя Мидаса.

Увы, я больше не верю в сказки!

Так ясно, как будто это было вчера, я вспомнила прохладную летнюю ночь, наполненную волшебным лунным светом, черное бархатное небо со сказочно сиявшими звездами. Таким предстало перед нами это место, когда мы впервые сюда приехали: мы ожидали здесь только самого лучшего. Но столкнулись с наихудшим.

В то время мы с Крисом были юны, невинны и доверчивы, мы верили нашей матери, любили ее, были уверены, что она проведет нас и наших пятилетних брата и сестру сквозь темную пугающую ночь в огромный дом, именуемый Фоксворт-холлом, и наше будущее окажется устлано зеленой весенней травой и залито солнечным светом. И наступит достаток и счастье. Как слепы мы бываем, когда следуем за тем, кого любим!

Запертые в темной, мрачной комнате верхнего этажа, играя на пыльном, душном чердаке, мы утешали друг друга, веря в обещание нашей матери, что рано или поздно весь Фоксворт-холл и его баснословные богатства станут нашими. Однако, несмотря на ее обещания, сердце нашего жестокого и такого бессердечного по отношению к нам дедушки, больное, но живучее сердце, продолжало биться и не хотело останавливаться, чтобы дать жить четырем молодым и полным надежды сердцам. А мы все ждали и ждали, ждали более трех долгих-долгих лет, но обещания так и остались обещаниями.

И даже когда наша мать умерла, высказав свою волю в завещании, имение не стало принадлежать нам с Крисом. Она оставила его Барту, своему любимому внуку, моему сыну от ее второго мужа, а пока ему не исполнится двадцать пять лет, управлять всем на правах опекуна должен был Крис.

Мать распорядилась восстановить имение, перед тем как отправилась в Калифорнию разыскивать нас, но даже после ее смерти прошло немало времени, прежде чем отделка нового Фоксворт-холла была закончена.

В течение пятнадцати лет дом пустовал, охраняемый сторожами, под наблюдением доверенных лиц, которые писали Крису отчеты или вызывали его на переговоры, если возникали какие-либо проблемы. Забытый дом, тоскуя, ждал того дня, когда Барт решит поселиться в нем. Мы все тоже предполагали, что такой день когда-нибудь наступит. Теперь мы решили въехать в этот дом, сделать его своим на какое-то время, пока Барт не вступит в права наследования.

Во всех моих собственных поступках мой недоверчивый ум всегда подозревал чью-то постороннюю уловку. И сейчас я вдруг почувствовала, что здесь нас ожидает какая-то

западня. Неужели мы с Крисом проделали такой долгий путь для того лишь, чтобы, совершив полный круг, вернуться к тому, с чего все начиналось?

В какую ловушку мы попадем на этот раз?

Нет-нет, убеждала я себя, свою недоверчивую, вечно сомневающуюся душу, все будет как нельзя лучше! Обретенное наконец нами золото не потускнеет... все будет хорошо! Должны же мы быть вознаграждены за все муки. Ночь миновала, наступил долгожданный день. Пусть светит нам солнце наших сбывшихся надежд!

Реальное сознание того, что я намереваюсь жить в этом восстановленном доме, вдруг наполнило мою душу знакомой горечью. Радость улетучилась. Я поняла, что ночной кошмар не исчезнет, когда я открою глаза.

Я постаралась отбросить эти чувства, улыбнулась Крису, стиснула его пальцы и снова стала разглядывать Фоксворт-холл, восставший из праха, противостоящий нам и поражающий нас своим могуществом, своими колоссальными размерами, ощущением непреходящей злобности, бесчисленными окнами, которые были прикрыты черными ставнями и походили на темные холодные глаза под тяжелыми веками. Казалось, он увеличивался в размерах, захватывая все новые и новые акры земли в своем гордом и пугающем величии. Он превосходил по величине большинство отелей и по форме походил на огромную букву «Т», только перечеркнутую с каждого конца, таким образом его центральная часть была непропорционально огромна, а к ней с разных сторон были пристроены флигели – с севера и юга, с запада и востока.

Дом был построен из розового кирпича. Множество черных ставен гармонировали с крышей из шифера.

Четыре внушительные белые коринфские колонны поддерживали грациозный портик фасада. Над темными двустворчатыми дверями переливался огнями круг из разноцветных стекол. Огромные медные орнаментальные щиты украшали каждую дверь, и все это делало дом более элегантным и менее мрачным.

Я уже почти успокоилась, когда вдруг солнце скрылось за темными тучами. Я глянула вверх – небо потемнело, собиралась гроза, усиливался ветер. Деревья в лесу раскачивались, а встревоженные птицы с криками металась в поисках укрытия. Зеленые лужайки, только что безукоризненно чистые, покрылись сброшенными листьями и обломанными ветвями. Цветы, посаженные на геометрически правильных клумбах, были безжалостно прибиты к земле.

Я задрожала и прошептала про себя: «Скажи мне снова, Кристофер, что все будет хорошо. Скажи мне это снова, потому что не хочется верить, что солнце скрылось и приближается гроза».

Он тоже взглянул на небо, почувствовав мою тревогу, мое нежелание довести дело до конца, поселившись здесь, как я обещала Барту. Семь лет назад психиатры убедили нас, что лечение прошло успешно, он вполне нормален и может жить без постоянного наблюдения врачей.

Чтобы успокоить, Крис обнял меня за плечи и прижался губами к моей щеке:

– Это будет испытанием для всех нас. Я знаю. Мы его выдержим. Мы теперь не говорящие куклы, брошенные на пыльный чердак, никто больше не будет командовать нами. Мы взрослые люди, хозяева своей жизни. Пока Барт не достигнет возраста, позволяющего ему вступить в наследование имением, его собственниками будем мы. Мы с тобой – мистер и миссис Кристофер Шеффилд из округа Малин, Калифорния, и никто не будет знать, что мы брат с сестрой. Никто не сможет предположить, что мы прямые потомки Фоксвортов. Все страхи позади. Это как раз наш шанс, Кэти. Здесь, в этом доме, мы сможем позабыть все зло, причиненное нам и нашим детям, особенно Барту. Мы будем править не стальной волей и железной рукой, как Малькольм, а любовью, сочувствием и пониманием.

Оттого, что Крис обнял меня и прижал к себе, я вновь обрела уверенность и опять посмотрела на дом. Теперь он предстал передо мною в новом свете. Он был красив. Ради Барта мы останемся здесь до его двадцатипятилетия, а затем возьмем Синди и втроем улетим на Гавайи – нам всегда хотелось прожить остаток лет возле моря и белых пляжей. Да, мы предполагали, что так будет. Так должно быть. Улыбаясь, я обернулась к Крису:

– Ты прав. Я не боюсь этого дома, не боюсь никаких домов.

Он засмеялся и опустил руку мне на талию, подталкивая меня вперед.

* * *

Окончив учебу, мой старший сын Джори улетел в Нью-Йорк к своей бабушке, мадам Марише. Там, в ее балетной труппе он вскоре был замечен критиками и получил первые роли. Его Мелоди, которую он любил с самого детства, тоже упорхнула к нему на восток.

В возрасте двадцати лет мой Джори женился на Мелоди, которая была на год моложе его. Эта пара работала сейчас вместе и боролась за то, чтобы достичь высот в своем искусстве. Они были самой заметной балетной парой в стране. Их танец и координация движений были столь прекрасны и совершенны, как будто они читали мысли друг друга и подавали сигналы блеском глаз. За пять лет они достигли вершины успеха. Каждое их выступление вызывало волну откликов как у критиков, так и у публики. Еще бо́льшую известность принесли им телевизионные выступления.

Мадам Мариша умерла во сне два года назад, она прожила восемьдесят семь лет и работала каждый день до самой смерти.

К семнадцати годам мой второй сын, Барт, из отстающего ученика каким-то чудом превратился в успевающего по всем предметам, одного из лучших в школе. Как раз в это время Джори улетел в Нью-Йорк. Я думаю, именно его отсутствие дало возможность Барту выбраться из своей скорлупы и пробудило в нем интерес к учебе. Два дня назад он окончил Гарвардскую юридическую школу и от имени своего класса произнес прощальную речь.

Мы с Крисом встретились с Джори и Мелоди в Бостоне и все вместе присутствовали в большой аудитории Гарвардской юридической школы на присвоении Барту ученой степени. Только Синди, нашей приемной дочери, не было там. Она гостила у своей лучшей подруги в Южной Каролине. Мне всегда очень больно было осознавать, что Барт так и не перестал завидовать этой девочке и ревновать ее ко мне, хотя она готова была на все, лишь бы заслужить его одобрение; он же ни шагу не сделал ей навстречу. Новую боль причиняла мне теперь проявившаяся у Синди неприязнь к брату – она даже не захотела приехать, чтобы принять участие в его празднике.

– Нет! – кричала она в телефонную трубку. – Не нужно мне его приглашение! Он просто любит пускать пыль в глаза! Пусть перед его фамилией стоит хоть десять степеней, я никогда уже не буду его любить и восхищаться им после всех обид, которые он мне причинил. Объясните все Джори и Мелоди, они меня поймут и не обидятся. А Барту ничего не надо объяснять – он и сам все знает.

Я сидела между Крисом и Джори, слушала и удивлялась тому, что мой сын, такой скрытный, угрюмый и необщительный дома, сумел стать первым в классе и заслужил право сказать прощальные слова.

Его спокойная, бесстрастная речь производила какое-то гипнотическое воздействие. Я посмотрела на Крису: его прямо-таки распирало от гордости. С неловкой усмешкой он повернулся ко мне:

– Поразительно! Кто бы мог подумать? Он просто великолепен, Кэти! Ты гордишься им? Я точно горжусь!

О, конечно! Я очень гордилась триумфом Барта. А еще меня поразило, что там, на подиуме, был совсем другой Барт, не тот, к которому мы привыкли дома. Возможно, именно здесь он чувствовал себя уверенно и нормально. Совершенно нормален – так ведь сказали врачи.

По моим наблюдениям, многие мелкие штрихи в его поведении доказывали, что настолько драматических изменений в его характере и поведении, какие когда-то подозревали врачи, на самом деле и не было. При последнем расставании он мне сказал:

– Мама, ты должна быть там, где я оценен по заслугам. Мне очень важно, чтобы ты была там.

И ни слова о Крисе, хотя тот находился рядом. Имя Криса ему приходилось буквально выдавливать из себя.

– Мы пригласим Джори и его жену и, конечно, Синди.

При имени Синди его лицо исказилось. Мне было совершенно непонятно, как можно относиться с неприязнью к такой хорошенькой и очаровательной девочке, как наша любимая Синди. Я бы не смогла любить ее сильнее, если бы она была плоть от плоти, кровь от крови моей и моего дорогого Кристофера. Как бы то ни было, но с тех пор, как она оказалась у нас двух лет от роду, она стала нашим ребенком, и именно она принадлежала нам обоим, мне и Крису.

Синди исполнилось шестнадцать. Она была более чувствена, чем я в ее возрасте. Но ведь она не жила в такой изоляции от жизни, как я. Свежий воздух и солнце давали ей те жизненные силы, которых не получили в свое время я и разделявшие мое заточение братья и сестра. Хорошее питание, физические упражнения, прогулки на свежем воздухе, достаток... Она имела все самое лучшее. Нам в детстве досталось наихудшее.

* * *

Крис спросил, не собираемся ли мы стоять здесь весь день и ждать, пока проливной дождь не промочит нас насквозь. Он потянул меня за собой к дому, заражая своим оптимизмом.

Приближающиеся раскаты грома, мрачные черные тучи, пересекаемые зигзагами молний, подталкивали нас к дому, и шаг за шагом мы наконец подошли к главному входу Фоксворт-холла.

Я заметила некоторые детали, которых не было видно издали. Пол портика был выложен изразцами трех оттенков красного цвета: причудливо чередуясь, изразцы образовали солнечный круг с лучами, подобный стеклянному кругу над двустворчатыми дверями входа. Эти два солнечных диска почему-то очень обрадовали меня. Раньше их здесь не было. Возможно, Крис и прав в своем оптимизме. А восстановленный дом все же отличается от старого, хоть и похож на него. Ведь даже две одинаковые снежинки на самом деле различны.

Я нахмурилась: но кто же заметит различие между двумя падающими снежинками?

– Прекрати выискивать разные мелочи, не надо портить себе настроение, Кэтрин. По твоему лицу и глазам я вижу, что ты так и ищешь, к чему бы придраться. Клянусь тебе честью, что мы останемся в этом доме только до тех пор, пока Барт не вступит в свои права, а потом улетим на Гавайи. Если на этот дом, пока мы в нем находимся, обрушится ураган или нахлынет приливная волна, то это случится только потому, что ты ожидаешь чего-то плохого.

Слова Криса заставили меня улыбнуться.

– Не забывай, что есть еще и вулканы. Они могут залить нас горячей лавой.

Он засмеялся и шутливо шлепнул меня по заду:

– Прекрати! Ну пожалуйста! Десятого августа мы уже сможем сесть в самолет. Но сто против одного, что ты и там будешь беспокоиться о Джори, о Барте, думать, что делает Барт один в этом доме.

Только сейчас я вспомнила, что Барт упоминал о каком-то сюрпризе, который ожидает нас в Фоксворт-холле. Когда он говорил об этом, то как-то странно глядел на меня.

– Мама, ты будешь поражена, когда увидишь... – Он замолчал и неловко улыбнулся. – Я прилетал туда каждое лето, чтобы проверить, все ли в порядке, не разрушается ли дом от запустения и сырости. Я распорядился сделать интерьер таким, каким он был раньше, за исключением моего кабинета. Его я хочу отделать по-современному, установить необходимое мне электронное оборудование... Но ты, конечно, можешь кое-что изменить в обстановке, чтобы в доме стало уютнее.

Уютнее? Да разве там может быть уютно? Я знала, каково быть запертым в этом доме, проглоченным им и обманутым. Я вздрогнула от стука моих высоких каблуков, раздавшегося под сводом портика вслед за глухим звуком шагов Криса, когда мы приблизились к черным дверям, украшенным геральдическими щитами. Не знаю, действительно ли Барт настолько уважал своих предков Фоксвортов, что желал сохранить все их аристократические титулы и гербы, или же он просто хотел, чтобы все оставалось так, как было когда-то. На каждой из двух черных створок висело по тяжелому медному молотку, а на планке между створками находилась маленькая, почти незаметная кнопка звонка.

– Я уверен, что этот дом начинен всякими современными приспособлениями, которые неприемлемы для подлинно исторического дома в Виргинии, – прошептал Крис.

Вероятно, Крис был прав. Барт обожал всякую старину, но одновременно сходил с ума от всего современного. Ни одна из электронных новинок не проходила мимо его внимания, он обязательно старался приобрести ее.

Крис полез в карман за ключом, который Барт дал мне перед расставанием в Бостоне. Вставляя большой медный ключ в замочную скважину, он улыбнулся мне. Но прежде чем он успел повернуть ключ, дверь сама бесшумно распахнулась.

Я отступила в изумлении.

Крис снова подтолкнул меня вперед, приветливо здороваясь со стариком, который жестами приглашал нас войти.

– Входите, – проговорил старик слабым, но резким голосом, быстро оглядев нас. – Ваш сын звонил и сказал, чтобы я ждал вас. Можно считать, что я здесь за прислугу.

Я смотрела на худого старика, согнувшегося так, будто он карабкался по крутому склону, хотя ноги его стояли на ровном полу. У него были какие-то выцветшие волосы, не седые и не белокурые, и светло-голубые водянистые глаза. Впалые щеки и глубоко запавшие глаза придавали ему страдальческий вид, – казалось, этот человек перенес много мук за свою жизнь. И еще было в нем что-то... что-то очень знакомое.

Ноги у меня налились свинцом и отказывались двигаться. Сильный ветер подхватил широкую юбку моего белого летнего платья, подняв ее чуть ли не до бедер, когда я занесла ногу, чтобы переступить порог Фоксворт-холла, восставшего, как феникс из пепла.

Крис остановился рядом со мной и обнял меня за плечи:

– Доктор Кристофер Шеффилд с женой, – доброжелательно представился он. – А вы?

Сморщенный старик, поколебавшись, пожал сильную загорелую руку Криса. Его тонкие губы сложились в кривую насмешливую улыбку, которую подчеркнул такой же насмешливый изгиб кустистой брови.

– Рад видеть вас, доктор Шеффилд.

Я не могла отвести взгляд от сгорбленного старика с водянистыми голубыми глазами. Эта улыбка, редкие волосы с широкими серебряными прядями, эти глаза с удивительно длинными ресницами... Отец!

Этот старик выглядел так, как выглядел бы наш отец, доживи он до таких же лет и пройди он через все мыслимые и немыслимые в жизни страдания.

Мой отец, мой любимый, дорогой отец, отрада моего детства! Как я была бы счастлива когда-нибудь увидеть его снова!

Крис все еще крепко держал тонкую старческую руку, и старик наконец сказал нам, кто он:

– Ваш давно пропавший дядюшка, который, как считалось, погиб в Швейцарских Альпах пятьдесят семь лет назад.

Джоэл Фоксворт

Крис поспешил как-то объяснить наше замешательство, так как оно явно отразилось на наших лицах.

– Моя жена потрясена, извините, – вежливо проговорил он. – Ведь ее девичья фамилия Фоксворт... Однако до сих пор она была уверена, что все ее родственники по материнской линии умерли.

По лицу старика, как призрачная тень, промелькнула несколько раз кривая усмешка, прежде чем он смог изобразить на нем благочестивую доброту, наклеив ее, как этикетку, которая должна была отражать чистоту его помыслов.

– Я понимаю, – слабым голосом произнес «дядя Джоэл», но этот шепот прозвучал как-то неприятно; так слабый ветер иногда пугающе шелестит мертвыми, опавшими листьями.

Глубоко в водянистых голубых глазах старика затаились какие-то темные тени, словно зловещие призраки. Я знала без объяснений, что Крис все припишет моему вновь разыгравшемуся воображению.

«Никаких призраков, никаких теней, ничего нет...» – попыталась я успокоить себя.

Заставив себя хотя бы на время отбросить все подозрения относительно этого старика, объявившего себя одним из старших, давно умерших братьев моей матери, я с интересом стала оглядывать холл, служивший когда-то и танцевальным залом. Ветер снаружи усилился, а удары грома приблизились и накатывали один на другой, – вероятно, гроза проходила прямо над нами.

Я вздохнула, вспомнив тот день, когда мне было двенадцать и я пристально вглядывалась в дождь, мечтая потанцевать в этом зале с человеком, который был вторым мужем мамы, а позднее стал отцом моего второго сына, Барта.

Я вздохнула, вспомнив, какой я была тогда молодой и искренней, полной надежд, уверенной в том, что мир прекрасен и милостив.

Казалось, меня ничто уже не должно было удивить и поразить, как ребенка, после того как мы с Крисом повидали свет, побывали в Европе и Азии, в Египте и Индии. Однако этот зал показался мне еще более изысканным, чем тогда, в мои двенадцать лет.

Да, приходится признать, что он снова ошеломил меня! Я разглядывала его с каким-то благоговейным страхом, который возник во мне помимо желания; сердце мое учащенно забилося, кровь зашумела в ушах, стало жарко. Я увидела три люстры из хрусталя и золота. Они были огромны – около пятнадцати футов в диаметре, в каждой семь ярусов свечей, причем свечи были настоящие. А сколько раньше в них было ярусов? Пять? Три? Я не могла вспомнить. Я увидела огромные зеркала в позолоченных рамах, в них отражалась изысканная мебель в стиле Людовика XIV, расставленная вдоль стен зала, для того чтобы те, кто не танцует, могли посидеть и поболтать, наблюдая за танцующими.

Вещи не могут помнить и ждать, так не должно быть! Но почему же этот восстановленный Фоксворт-холл поразил меня даже больше, чем прежний?

Потом я увидела еще кое-что – то, чего никак не ожидала увидеть.

Две изогнутые лестницы спускались слева и справа на обширное пространство мраморного пола, выложенного красными и белыми плитами, как шахматная доска. Неужели это те самые лестницы? Отремонтированные, но те же? Разве я не своими глазами видела огонь, пожиривший Фоксворт-холл и оставивший от него одни угли и пепел? Все восемь каминов были налицо, как и мраморные лестницы. Причудливые витые решетки перил и поручни из палисандрового дерева должны были сгореть, но они были на месте. Я проглотила комок, застрявший в горле. Я бы не хотела, чтобы дом был совсем новым, чтобы все в нем было новым и ничего не осталось от старого.

Джоэл наблюдал за мной: вероятно, мое лицо больше выдавало чувства, чем лицо Криса. Когда наши глаза встретились, он быстро отвел взгляд и жестом пригласил нас следовать за ним. Он показал нам все великолепные комнаты первого этажа, но я следовала за ним скованно и молча, а все вопросы задавал Крис. Наконец мы устроились в одной из гостиных, и Джоэл начал рассказывать о себе.

Перед этим он по пути довольно надолго задержался в огромной кухне, чтобы собрать нам завтрак. Отказавшись от помощи Криса, он появился с подносом, на котором был чай и сэндвичи со всякими деликатесами. У меня был плохой аппетит, но Крис, как и следовало ожидать, проголодался и быстро расправился с шестью тонкими сэндвичами, затем принялся за остальные, когда Джоэл налил ему вторую чашку чая. Я съела только маленький безвкусный сэндвич и отпила два глотка чая, очень крепкого и горячего, а потом стала ждать, когда Джоэл начнет свой рассказ.

Его голос был слаб и надтреснут, с какими-то хрипами, как будто он простудился и ему трудно говорить. Однако скоро я перестала это замечать, так как он стал рассказывать о том, что я давно хотела узнать: о наших бабушке и дедушке, о нашей матери и ее детстве. Очень скоро мне стало ясно, что Джоэл не любил своего отца, и только тогда я почувствовала расположение к нему.

– Вы называли вашего отца по имени? – задала я первый вопрос с тех пор, как он начал свое повествование.

Мой голос прозвучал как испуганный шепот, как будто Малькольм был где-то поблизости и мог нас услышать.

Тонкие губы Джоэла задвигались и сложились в некое подобие улыбки:

– Конечно. Мой брат Мал был на четыре года старше меня, и мы оба всегда обращались к отцу только по имени. Мы не считали это дерзостью. Называть его «папа» было как-то нелепо. Слово «папа» подразумевает теплые родственные отношения, которых у нас не было, да никто и не хотел их. Отцом мы тоже не могли его называть, так как настоящим отцом он никогда нам не был. Конечно, разговаривая с ним, мы называли его отцом. Если говорить правду, мы старались, чтобы он не видел и не слышал нас. Мы исчезали, когда он появлялся дома. У него было два офиса: один, главный, в городе, где он находился большую часть времени и откуда руководил всеми делами, второй – здесь, в этом доме. Он всегда работал. В офисе он восседал за массивным письменным столом, который отделял его от нас, как барьер. Даже находясь дома, он был отделен от всех и неприступен. Он всегда был занят, всегда сам подходил к телефону в офисе, поэтому мы ничего не знали о его делах. Даже с матерью он редко разговаривал. По-моему, она принимала это как должное. Изредка мы видели, как он держал на коленях нашу маленькую сестричку. Спрятавшись, мы со странной тоской наблюдали за ними. Позднее, вспоминая наше детство, мы удивлялись, почему мы завидовали Коррине, ведь ее наказывали так же жестоко, как и нас. Однако мы видели, что отец всегда раскаивался, когда ему приходилось наказывать ее. После оскорбления, порки или запиранья на чердаке – последнее было его любимым способом наказания – он приносил Коррине какой-нибудь дорогой подарок: драгоценности, куклу или игрушку. У нее было все, что может пожелать маленькая девочка, но если ей случалось в чем-нибудь провиниться, самая любимая ее вещь отбиралась и передавалась в церковь, которую он посещал. Коррина плакала и старалась вымолить у него прощение, но он так же легко от нее отворачивался, как в другое время легко шел навстречу ее желаниям. Когда Мал или я пытались выпросить у него утешительные подарки после наказания, он поворачивался к нам спиной и приказывал нам быть мужчинами, а не детьми. Мы думали, что ваша мама знает какой-то способ заставить отца сделать все, что она пожелает. Мы не знали, как приласкаться к нему, притвориться послушными, чем смягчить его сердце.

Закрыв глаза, я представила, как девочка, ставшая впоследствии моей матерью, бежит по этому великолепному, но недоброму дому, приученная к расточительности и достатку... Поэтому, когда она вышла замуж за нашего отца, получавшего скромное жалование, ей не приходило в голову ограничивать свои расходы.

Я сидела с широко раскрытыми глазами, а Джоэл продолжал:

– Коррина и наша мать не любили друг друга. Когда мы подросли, то поняли, что мать завидовала красоте дочери и ее умению очаровывать мужчин. Коррина в самом деле была необыкновенно хороша. Даже мы, братья, чувствовали силу ее женских чар.

Джоэл сложил на коленях худые бледные руки. Они были узловатыми, утолщенными в суставах, но почему-то все еще казались изящными, то ли потому, что их движения были грациозны, то ли потому, что они были так бледны.

– Посмотрите на все это великолепие и красоту и представьте семью измученных людей, где каждый мечтал освободиться от цепей, в которых нас держал Малькольм. Даже наша мать, унаследовавшая состояние своих родителей, была под строгим контролем. Мал убегал от банковских дел, которые он ненавидел и которыми его заставлял заниматься Малькольм, вскакивал на мотоцикл и уносился в горы, где отсиживался в хижине, которую мы с ним построили. Иногда мы приглашали туда наших подружек, и то, чем мы там занимались, вряд ли получило бы одобрение нашего отца, но мы таким образом бросали вызов его абсолютной власти над нами. Однажды летним днем случилось ужасное: Мал сорвался в пропасть; спасатели подняли оттуда его тело. Ему был только двадцать один год, мне – семнадцать. Я и сам наполовину умер, так пусто и одиноко мне стало без брата. Отец подошел ко мне после похорон Мала и сказал, что я должен занять место старшего брата в одном из банков и изучить финансовое дело. С таким же успехом он мог приказывать мне отсечь себе руки и ноги. Я сбежал той же ночью.

Казалось, весь огромный дом ждал затаив дыхание. Даже буря снаружи тоже как будто затихла, хотя, мельком взглянув в окно, я увидела, что тяжелые свинцово-серые тучи еще больше вспучились и разбухли. Мы с Крисом сидели на изящной софе, и я чуть придвинулась к нему. Расположившийся напротив нас в кресле Джоэл замолчал, как бы собирая свои меланхолические воспоминания, и мы не торопили его.

– Куда же вы отправились? – спросил Крис, откинувшись на софе и скрестив ноги. Его рука дотронулась до моей. – Ведь очень трудно семнадцатилетнему парню жить самостоятельно...

Джоэл вернулся к действительности, с трудом отыскав себя в ненавистном мире своего детства.

– Да, было нелегко. Я ведь ничего не умел. Но у меня был музыкальный талант. Я устроился матросом на грузовое судно, чтобы добраться до Франции. Первый раз в жизни у меня появились мозоли на руках. Потом во Франции я нашел работу в ночном клубе и получал несколько франков в неделю. Скоро я устал от многочасовой работы и двинулся в Швейцарию, решив повидать мир и никогда не возвращаться домой. Я снова устроился музыкантом в ночной клуб при маленькой швейцарской гостинице близ границы с Италией и вскоре стал ходить в горы с группами лыжников. Я проводил на лыжах почти все свое свободное время, а летом совершал пешие прогулки или ездил на велосипеде. Однажды друзья пригласили меня принять участие в одном довольно рискованном предприятии – они хотели совершить скоростной спуск с очень высокой вершины. Мне тогда было около девятнадцати лет. Четверо других участников спуска шли впереди, смеялись и подшучивали друг над другом и не заметили, как я оступился и сорвался вниз головой в глубокую трещину во льду. При падении я сломал себе ногу. Полтора дня я пролежал там, почти без сознания, пока двое монахов, проезжавшие мимо на ослах, не услышали мои слабые крики. Они сумели достать меня из расщелины; каким образом, я не помню, так как был в полубеспамятстве

от голода и боли. Я пришел в себя в монастыре и увидел над собой добрые, улыбающиеся лица. Этот монастырь находился в итальянской части Альп, а я ни слова не знал по-итальянски. Они учили меня своей латыни, пока не срослась моя нога. Потом они заметили, что у меня есть некоторые способности к рисованию, и попросили помочь им расписать стены и проиллюстрировать рукописи религиозного содержания. Иногда я играл на органе. К тому времени, когда моя нога зажила настолько, что я смог ходить, я понял, что мне нравится спокойная монастырская жизнь, занятия живописью, игра на органе во время утренних и вечерних служб, размеренное чередование молитв и трудов, монашеское самоотречение. Я остался с ними и в конце концов стал одним из них. В этом монастыре, высоко в горах, я наконец обрел душевный покой.

Джоэл окончил свой рассказ. Он сидел, глядя на Криса, затем перевел свои выцветшие, но горящие глаза на меня.

Смущенная его пронизательным взглядом, я старалась не отводить глаз и не обнаружить смятения чувств. Он мне все-таки чем-то не нравился, хотя и напоминал отца, которого я очень любила. А поскольку явной причины такой неприязни не было, я решила, что всему виной мое беспокойство и боязнь того, что он все знает... Знает, что Крис мой брат, а не муж. Может быть, Барт рассказал ему о нас? Или он заметил, как Крис похож на Фоксвортов? Конечно, это были только догадки. Он улыбался мне, старался быть обаятельным, чтобы завоевать мое доверие. Он понимал, что завоевывать доверие надо именно у меня, а не у Криса...

– Почему вы вернулись? – спросил Крис.

Джоэл снова постарался наклеить на лицо улыбку.

– Однажды в монастырь наведалься американский журналист. Он хотел написать статью о том, что заставляет людей в наше время становиться монахами. Поскольку только я один в монастыре владел английским, меня попросили побеседовать с ним. Пользуясь случаем, я спросил, не слышал ли он что-нибудь о Фоксвортах из Виргинии. Он слышал, поскольку Малькольм владел к тому времени огромным состоянием и так или иначе участвовал в политических делах. И только тогда я узнал о его смерти, а также о смерти моей матери. Когда журналист уехал, я стал все время думать об этом доме и о моей сестре. Однако проходил год за годом, дни сменялись такими же днями, а календарей мы там не держали... Но наступил день, когда я понял, что мне очень хочется домой, хочется увидеть сестру, поговорить с ней. Журналист не упоминал, вышла ли она замуж. Я так ничего и не знал, пока не вернулся в эти края почти год назад. Я поселился в мотеле и там услышал, что старый дом Фоксвортов сгорел в рождественскую ночь, что моя сестра была помещена в психиатрическую лечебницу, услышал и о ее ужасной судьбе. Но только когда Барт приехал сюда этим летом, я узнал все остальное: как она умерла, как он стал ее наследником.

Он опустил глаза.

– Барт – замечательный юноша. Я с удовольствием беседовал с ним. До того как он здесь появился, я бывал в этом доме, разговаривал со сторожем. Он рассказал мне о Барте, о том, как часто он приезжает сюда, как советуется со строителями и отделочниками, как он одержим желанием сделать новый дом точной копией старого. Я постарался быть здесь к его очередному визиту. Мы встретились, я объяснил ему, кто я, и мне показалось, что он даже обрадовался... Вот и все.

В самом деле? Я посмотрела на него в упор. А может быть, он вернулся в надежде получить свою часть от оставленного Малькольмом богатства? Не хочет ли он оспорить завещание моей матери и забрать себе добрую часть наследства? А если Джоэл имеет на это право, то Барт должен бы расстроиться, узнав, что «дядюшка» еще жив.

Я сдержалась и не высказала вслух ни одну из этих мыслей. Джоэл снова надолго замолчал. Крис поднялся с софы:

– Сегодняшний день уж очень насыщен событиями, жена устала. Будьте добры, покажите нам комнату, где мы могли бы отдохнуть.

Джоэл сейчас же вскочил, стал извиняться, что он недостаточно гостеприимен, и направился к лестнице.

– Я был бы рад снова увидеть Барта. Он был так любезен, что предложил мне комнату в доме. Но все эти комнаты слишком напоминают мне прошлое, моих родителей... Я занял помещение над гаражом, рядом с комнатами для прислуги.

Зазвенел телефон. Джоэл протянул мне трубку.

– Это звонит ваш старший сын из Нью-Йорка, – произнес он скрипучим голосом. – Если вы хотите оба говорить с ним, пусть один из вас подойдет к телефону в соседней комнате.

Крис поспешил в другую комнату, пока я здоровалась с Джори. Его счастливый голос немного развеял мое подавленное настроение и мрачные мысли.

– Мама, папа! Мне удалось отменить несколько выступлений, и мы с Мел свободны, поэтому вылетаем к вам. Мы оба так устали, что нам необходимо немного отдохнуть. Кроме того, очень хочется взглянуть на дом, о котором мы столько слышали. Он действительно так похож на прежний?

О да... Даже слишком похож... Я обрадовалась, что приедут Джори и Мелоди; а когда появятся Синди и Барт, то вся семья опять соберется вместе под одной крышей – этого уже давно не было.

– Нет, я, конечно, не думаю совсем отказаться от выступлений, – весело ответил он, когда я спросила об этом. – Я просто немного устал. Даже кости болят. Нам обоим нужен хороший отдых... и у нас есть для вас новость...

Больше он ничего не сказал.

Разговор был окончен, мы с Крисом улыбнулись друг другу. Джоэл ушел, чтобы не мешать нашему разговору, а теперь вновь появился, неуверенной поступью обогнул французский столик, на котором стояла огромная мраморная ваза с искусной композицией из засушенных растений, и сообщил, что Барт сам наметил для меня апартаменты. Он взглянул на меня, а затем на Крису и добавил:

– И для вас, конечно, доктор Шеффилд.

Скосив глаза, он посмотрел на выражение моего лица и, кажется, остался доволен тем, что увидел.

Под руку с Крисом я храбро направилась к лестнице, которая повела нас на верхний этаж, туда, где все начиналось, где зародилась удивительная, грешная любовь, настигшая нас в пыльной, затхлой темноте чердака, где был свален всякий ненужный хлам и старая мебель, на стенах висели бумажные цветы, а под ногами хрустели разбитые надежды.

Воспоминания

На середине лестницы я остановилась, чтобы осмотреть все еще раз сверху – не ускользнуло ли что от моего внимания? Когда Джоэл рассказывал о себе и угощал нас сэндвичами, я все разглядывала, разглядывала... Ведь этой роскошью мне и раньше приходилось любоваться не часто, во всяком случае реже, чем хотелось бы. Из той комнаты, где мы находились, мне был виден холл с множеством зеркал и французской мебелью, старательно сгруппированной в отдельные островки, чтобы у сидящих и беседующих создавалось ощущение интимности. Мраморный, тщательно отполированный пол блестел как стекло. Я почувствовала непреодолимое желание танцевать, танцевать, кружиться в танце до упаду...

Крис не понимал, почему я медлю, и нетерпеливо тянул меня вверх по лестнице, пока мы не оказались в большой ротонде, откуда я снова стала любоваться танцевальным залом.

– Кэти, ты вся ушла в свои воспоминания? – почему-то сердито прошептал Крис. – Может, забудем на время о прошлом и пойдем дальше? Я чувствую, что ты очень устала.

Воспоминания... они нахлынули на меня непреодолимо и жестоко. Кори, Кэрри, Бартоломью Уинслоу – они были здесь, рядом, они шептали, шептали мне что-то. Я снова оглянулась на Джоэла: он попросил нас не называть его дядей. Он хотел, чтобы этим титулом его величали мои дети.

Он очень походил на Малькольма, только взгляд был мягче, не такой пронизывающий, как на огромном портрете в натуральную величину, висящем в охотничьей комнате. Ведь не все голубые глаза жестоки и бессердечны, я должна бы это знать лучше других.

Внимательно разглядывая лицо старика, я старалась представить, каким он был в молодости. У него тогда были волосы цвета соломы, а лицом он походил на моего отца и на его сына. Напряжение отпустило меня, я смягчилась и, шагнув к нему, со словами «Добро пожаловать домой, Джоэл!» обняла старика.

Его хилое тело осталось холодным и бесчувственным в моих объятиях. Щека, к которой я приложилась губами, была сухой. Он отпрянул, как будто мое прикосновение оскорбило его, а возможно, он просто боялся женщин. Я резко отдернула руки, сразу пожалев о своей попытке проявить дружбу и расположение к нему. Ласки были не приняты у Фоксвортов, разве только между супругами. В замешательстве я оглянулась на Криса. Его взгляд успокоил меня – все нормально.

– Жена очень устала, – мягко напомнил Крис. – Мы последнее время были очень заняты, всякие события: присвоение степени младшему сыну, гости, вечера, а потом это путешествие...

Джоэл наконец нарушил затянувшееся неловкое молчание, в котором мы пребывали, стоя в ротонде, и заметил, что Барт намеревался нанять прислугу. Он уже звонил в бюро по найму, однако сказал, что мы можем сами подобрать слуг по своему вкусу. Джоэл промямлил это так невнятно, что я не расслышала и половины из того, что он сказал, тем более что мой взгляд был устремлен в северное крыло дома, туда, где находилась последняя комната, в которой нас когда-то запирали. И она осталась такой же самой? Приказал ли Барт поставить там две двуспальные кровати и такую же темную массивную старинную мебель? Я ожидала этого, но молила Бога, чтобы так не было.

Внезапно Джоэл произнес слова, заставшие меня врасплох:

– Ты очень похожа на мать, Кэтрин.

Я растерянно уставилась на него, недовольная таким сравнением, хотя он, возможно, считал его комплиментом. Некоторое время он стоял молча, как бы ожидая какого-то ответа и переводя взгляд с меня на Криса и обратно, потом кивнул и снова двинулся вперед, чтобы

показать нам наши комнаты. Солнце, так ярко сиявшее в час нашего прибытия сюда, казалось теперь далеким воспоминанием, потому что дождь тяжело и непрерывно стучал по крыше, гром перекатывался и гремел над головой, а молнии рассекали небо. Я вздрагивала от этих ударов и вспышек, как от Божьего гнева, и, качнувшись, всегда оказывалась в надежных руках Криса.

Потоки воды струились по стеклам, стекали с крыши по водосточным трубам и вскоре залили дорожки в саду и клумбы, разрушая все то, что совсем недавно там цвело и красовалось. Я вздохнула, мне стало грустно, что я снова здесь, – такой юной и уязвимой я вдруг себя почувствовала.

– Да-да, – пробормотал себе под нос Джоэл, – совсем как Коррина.

Он еще раз критически осмотрел меня, затем склонил голову и о чем-то задумался на долгих пять минут. А может, пять секунд?

– Нам надо распаковать вещи, – более настойчиво сказал Крис. – Жена переутомилась. Ей надо принять ванну и немного вздремнуть. После дороги всегда хочется помыться и отдохнуть.

Непонятно, зачем он все это объясняет!

Джоэл тотчас очнулся, как бы вернувшись откуда-то, где он только что был. Возможно, монахи часто так молятся, склонив голову, и забываются в безмолвной молитве. Наверно, он так привык. Я ведь почти ничего не знаю о монастырях и о монашеской жизни.

Медленно передвигая шаркающие ноги, он шел по длинному коридору. Еще один поворот, и я с болью и замешательством поняла, что Джоэл привел нас в южное крыло здания, где когда-то в роскошных апартаментах жила наша мать. Помню, я страстно желала спать в ее великолепной, похожей на лебедя кровати, сидеть за ее длинным туалетным столиком, купаться в ее черной мраморной ванне, установленной на уровне пола и окруженной зеркалами.

Джоэл остановился перед двустворчатой дверью, к которой вели две широкие, покрытые ковром ступени в виде полумесяца. Губы его растянулись в какой-то медленной странной улыбке.

– Комнаты вашей матери, – кратко произнес он.

Я с трепетом остановилась перед знакомой до слез дверью и беспомощно оглянулась на Криса. Шум дождя перешел в ровный барабанный стук. Джоэл открыл одну створку двери и шагнул в спальню. Задержавшись на мгновение, Крис шепнул мне:

– Мы для него просто муж и жена, Кэти, – вот все, что он о нас знает.

Со слезами на глазах я вошла в эту спальню и безумным взглядом уставилась на то, ради чего я когда-то была согласна взойти на костер, – кровать! Кровать-лебедь под великолепным розовым балдахинном, изящно прикрепленным к чему-то вроде крыльев, переходящих в подобие пальцев. Голова лебедя и его изогнутая шея были теми же, и те же бдительные, хотя и сонные рубиновые глаза, слегка прищурившись, наблюдали за всеми, кто находился в постели.

Я стояла в замешательстве. Спать в этой кровати? В кровати, где моя мать лежала в объятиях Бартоломью Уинслоу, ее второго мужа? Того самого мужчины, которого я украла у нее и сделала отцом моего сына Барта? Того мужчины, который до сих пор врывается в мои сны, наполняя сердце горькой виной. Нет! Я не смогу спать в этой кровати! Ни за что!

Когда-то я желала спать в этой лебединой кровати с Бартоломью Уинслоу. Как молода и глупа я была тогда! Я считала, что обладание красивыми вещами может сделать человека счастливым, а уж иметь такого мужа, как Бартоломью, было вообще пределом моих мечтаний!

– Эта кровать просто чудо, не так ли? – спросил Джоэл, подойдя сзади. – Барт сбился с ног в поисках искусных мастеров, которые могли бы вручную вырезать изголовье в форме

лебеда. Когда он объяснял, что надо сделать, все ремесленники смотрели на него как на сумасшедшего. Наконец он нашел несколько старых мастеров, которые были рады создать такую уникальную вещь, тем более за хорошее вознаграждение. Мне кажется, Барт где-то отыскал детальное описание того, как именно была повернута голова лебеда, один полузакрытый глаз которого был сделан из рубина, а также описание крыльев с пальцевидными окончаниями, к которым крепились складки балдахина из тонкого шелка. Ох и разволновался же он, когда сначала у мастеров что-то получилось не так. А еще он заказал маленькую скамеечку для ног, также в виде лебеда. Для вас, Кэтрин, все для вас!

На этот раз в голосе Криса прозвучали жесткие нотки:

– Джоэл, так все же что Барт рассказал вам?

Он обнял меня за плечи, согревая и защищая от Джоэла, от всех напастей. С ним я могла бы жить и в шалаше, и в палатке, и в пещере. Он вливал в меня силы.

Губы старика скривились в едва заметной насмешливой улыбке, когда он заметил, как Крис старается защитить меня.

– Барт рассказал мне все о вашей семье. Видите ли, он всегда нуждался в совете старшего друга...

Джоэл остановился и многозначительно посмотрел на Криса, который не мог не почувствовать подтекст сказанного. Я заметила его волнение, хоть он и держал себя в руках. Джоэл, казалось, остался доволен произведенным эффектом.

– Барт рассказывал мне, как бедные дети – его мать с братьями и сестрой – более трех лет жили в заточении. Как потом его мать с младшей сестрой Кэрри – брат-близнец Кэрри к тому времени умер – сбежали в Южную Каролину. Как вы, Кэтрин, долго искали себе подходящего мужа – человека, который отвечал бы всем вашим требованиям, и наконец вышли замуж за... доктора Кристофера Шеффилда.

Столько намеков было в его словах, так много недосказанного... Вполне достаточно, чтобы у меня мурашки поползли по спине.

Джоэл вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь. Только тогда Крис смог убедить меня остаться в этой комнате хотя бы на одну ночь. Он целовал меня, обнимал, гладил по спине и по волосам, успокаивал, как ребенка, пока я не пришла в себя и не смогла разглядеть все сделанное Бартом для того, чтобы восстановить былую роскошь этих апартаментов.

– Эта кровать – только копия прежней, – мягко убеждал меня Крис, понимая мои чувства. – Наша мать никогда не лежала в этой кровати, дорогая. Барт прочел твои воспоминания, ты ведь знаешь об этом. Все, что ты здесь видишь, воссоздано по твоему описанию. Ты так подробно описала и «лебединую» кровать, и всю обстановку, что он решил, будто ты всегда мечтала об апартаментах, в которых жила наша мать. Может, подсознательно ты действительно этого хотела, а он догадался. Прости, если я не прав. Пойми только, что он хотел угодить тебе, затратил много сил и средств, чтобы эти комнаты приобрели прежний вид.

Я покачала головой: нет, никогда я не хотела того, что имела она.

– Хотела, – возразил он. – Хотела, Кэтрин! Ты горела желанием иметь все, что имела она! Я знаю. И твои сыновья знают. И не упрекай нас за то, что мы сумели распознать твои желания под ворохом всяких умных уверток.

Я готова была возненавидеть его за то, что он так хорошо знал меня. Но... я обхватила его руками и прижалась лицом к его груди, желая спрятаться даже от самой себя.

– Крис, не будь так жесток со мной, – выдохнула я. – Просто эти комнаты казались нам тогда такими удивительными, особенно когда мы пробирались сюда тайком от нее... и ее мужа.

Он крепко обнял меня.

– А что ты думаешь о Джоэле? – спросила я.

Немного помолчав, Крис ответил:

– Мне он нравится, Кэти. По-моему, он очень растроган и обрадован тем, что мы решили ему остаться здесь.

– Ты сказал ему, что он может здесь остаться? – прошептала я.

– А почему же нет? Мы уедем отсюда вскоре после того, как Барт отметит свое двадцатипятилетие и станет хозяином этого дома. К тому же нам предоставляется прекрасная возможность больше узнать о Фоксвортах. Джоэл расскажет нам о детстве и юности нашей матери, о том, как жила эта семья. Возможно, тогда мы сумеем понять, почему она предала нас и почему наш дед желал смерти своим внукам. Вероятно, где-то в далеком прошлом что-то настолько повлияло на разум Малькольма, что он, в свою очередь, смог заставить родную дочь забыть материнский инстинкт и отказаться от защиты собственных детей.

По моему же мнению, Джоэл достаточно уже рассказал нам, я больше ничего не хотела узнавать. Малькольм Фоксворт был одним из тех странных человеческих существ, которым повезло родиться без совести, он просто неспособен был чувствовать раскаяние за свои дурные поступки. Это невозможно ни объяснить, ни понять.

Крис ласково заглянул мне в глаза: его сердце и душа страдали от моего нежелания забыть все прошлые несправедливости и обиды.

– Я хотел бы еще порасспросить Джоэла о детстве и юности нашей матери, чтобы понять, что заставило ее жить так, как она жила. Наша родная мать причинила нам боль, которая не проходит до сих пор и не пройдет никогда, если мы не сможем понять, что руководило ею. Я простил ее, но ничего не смог забыть. Я хочу все понять, чтобы помочь тебе простить ее...

– Разве это поможет? – безнадежно спросила я. – Слишком поздно уже понимать и прощать нашу мать, и, если говорить честно, я не хочу никаких объяснений – потому что, если они окажутся убедительными, мне придется простить ее.

Он обессиленно опустил руки и, отвернувшись, отошел от меня.

– Я схожу за нашим багажом. Иди в ванную. К тому времени, как ты выйдешь, я уже все распакую.

В дверях он приостановился, но не оглянулся.

– Пожалуйста, постарайся использовать наше пребывание здесь, чтобы окончательно помириться с Бартом. Он теперь не тот, что был раньше. Ты ведь слышала его речь на подиуме. У этого молодого человека способности настоящего оратора. Его слова пробуждают в людях добрые чувства. Сейчас он может вести за собой людей, тогда как раньше был скрытен и застенчив. Мы должны благодарить Бога, что Барт наконец-то освободился от своей скорлупы.

Я покорно склонила голову:

– Конечно, я сделаю все возможное. Прости меня, Крис, что я бываю так безрассудно упряма, вот и сейчас опять...

Он улыбнулся и вышел из комнаты.

В «ее» ванной комнате, которая соединялась с великолепной туалетной комнатой, я медленно раздевалась, пока ванна из черного мрамора наполнялась водой. Меня окружали зеркала в позолоченных рамах, отражавшие мою наготу. Мне нравилась моя фигура, все еще стройная и подтянутая, и груди мои еще не обвисли. Раздевшись донага, я подняла руки, чтобы вынуть шпильки из волос. Разглядывая себя в зеркалах, я попыталась представить мою мать, как она стояла в той же позе и думала о своем втором муже, который был моложе ее. Задумывалась ли она о том, где он пропадает в те ночи, когда он был со мной? Догадывалась ли, кто был любовницей ее Барта до того страшного Рождества, когда все выяснилось? Надеюсь, что догадывалась!

* * *

Ужин прошел спокойно.

Двумя часами позже я расположилась в «лебединой» кровати, разбудившей во мне днем такие щемящие воспоминания. Лежала и смотрела, как раздевается Крис. Как и обещал, он распаковал багаж, развесил в шкафы мою и свою одежду, сложил в комод наше нижнее белье. Сейчас он казался усталым и немного грустным.

– Джоэл сказал мне, что завтра придет прислуга договариваться о найме. Надеюсь, ты сможешь побеседовать с ними.

Я удивленно приподнялась:

– Но я думала, Барт сам будет нанимать прислугу?

– Нет, он предоставил это тебе.

– Ох...

Крис накинул свой пиджак на бронзовую скульптурку слуги, и я вспомнила, что отец Барта, муж моей матери, делал так же, когда они жили здесь – вернее, не здесь, а в том, старом Фоксворт-холле. Воспоминания преследовали меня... Абсолютно голый, Крис направился в «свою» ванную комнату.

– Я только приму душ и приду. Пожалуйста, не засыпай без меня.

Я лежала в полутьме и вглядывалась в окружающие предметы. Меня охватило какое-то странное ощущение раздвоения личности. Мне казалось, что я – это не я, а моя мать. Я представляла себе четверых детей, запертых на чердаке. Чувствовала страх и вину перед ними, чувствовала угрозу, исходящую с нижнего этажа от презренного старика, который жил да жил, но не давал жить другим – жестокий, злой и бессердечный от рождения. Какой-то голос снова и снова нашептывал мне все это. Я закрыла глаза и попыталась унять свою разыгравшуюся фантазию. Я больше не слышала голосов, не слышала музыки. Мне ведь больше не нужно дышать пыльным сухим воздухом чердака. Всего этого уже нет. Мне теперь пятьдесят два года – не двенадцать, тринадцать, четырнадцать или пятнадцать.

Нет больше прежних запахов. В доме пахнет краской, деревом, свеженаклеенными обоями и новыми тканями. Здесь новые ковры, покрывала, новая мебель. Все-все новое, вплоть до разнообразных антикварных вещей в салонах и кабинетах второго этажа. Нет прежнего Фоксворт-холла, только имитация. Да, а почему все же вернулся Джоэл, если ему нравилось в монастыре? Ему, привыкшему к монашеской аскетической жизни, деньги, вероятнее всего, в самом деле не нужны. Наверно, для возвращения были другие причины, а не только желание увидеть, что произошло с его родовым гнездом. Он остался здесь, даже узнав, что умерла его сестра – наша мать, – единственная, кого он надеялся застать в живых. Ждал случая увидеться с Бартом? Что привлекло его в Барте и удержало здесь? Он даже согласился быть здесь кем-то вроде дворецкого, пока мы не найдем настоящего. Я вздохнула. Зачем искать что-то таинственное в поворотах судьбы? Все-таки деньги всегда были первопричиной всего.

Глаза мои слипались от усталости, но я старалась прогнать сон. Надо было подумать о завтрашнем дне, об этом неизвестно откуда свалившемся на нас «дядюшке». Неужели мы достигли всего, что когда-то обещала нам мать, только для того, чтобы уступить все Джоэлу? А если он не будет оспаривать завещание нашей матери и мы сохраним доставшееся нам наследство, то какой ценой?

* * *

Наутро мы с Крисом спустились по правому крылу двойной лестницы с уверенностью владельцев дома и хозяев собственной жизни. Он взял меня за руку и крепко сжал ее, когда я сказала, что мои тревоги ушли и Фоксворт-холл больше не страшит меня.

Мы застали Джоэла в кухне за приготовлением завтрака. На нем был длинный белый фартук, а на голове – высокий поварской колпак. Все это выглядело как-то нелепо на худой стариковской фигуре. В моем представлении поваром должен быть обязательно человек полный. Однако я была благодарна старику за то, что он избавил меня от работы, которую я всегда недолюбливала.

– Надеюсь, вам понравятся яйца «Бенедикт», – произнес он, даже не взглянув на нас.

К моему удивлению, яйца «Бенедикт» оказались великолепны. Крис съел две порции. После завтрака Джоэл показал нам несколько пустых комнат, без мебели и отделки.

– Барт рассказывал мне, что вы любите уютные комнаты с удобной мебелью, поэтому он предоставил вам возможность самой обставить эти пустые комнаты, по вашему вкусу, – с кривой улыбочкой произнес он.

Что за насмешка? Ведь он, наверно, знает, что мы с Крисом не собираемся оставаться здесь надолго. Потом я подумала, что Барт просто не знал, как обставить эти комнаты, и хотел, чтобы я помогла ему, но сам попросить об этом постеснялся.

Когда я спросила Криса, сможет ли Джоэл оспорить завещание нашей матери и попытаться взять себе из наследства какую-то часть, он покачал головой и сказал, что не знает, существуют ли какие-либо законные способы передела наследства, если вдруг объявится «умерший» наследник.

– Барт сам бы мог выделить Джоэлу столько денег, чтобы ему хватило до конца жизни, – сказала я, в который раз припоминая каждое слово из последних пожеланий моей матери и из ее завещания: в нем она ничего не говорила о своих старших братьях, видимо считая их умершими.

Пока я все это обдумывала, Джоэл снова оказался на кухне, явно собираясь наготовить столько еды, что ее хватило бы на целую гостиницу. Крис задал ему какой-то вопрос, я не расслышала. С мрачным видом Джоэл ответил:

– Конечно, дом все-таки не совсем тот, что был когда-то, хотя бы потому, что при постройке сейчас никто не использует деревянных гвоздей. Я перенес всю сохранившуюся старую мебель в свои комнаты. Я ни на что не претендую, поэтому останусь жить в помещении для прислуги над гаражом.

– Я ведь говорил, что не следует вам там оставаться, – нахмурился Крис. – Вы – член нашей семьи и не должны так стеснять себя.

Между тем мы уже видели огромный гараж, и комнаты, размещенные над ним, едва ли были маленькими и тесными.

«Пусть он там останется!» – захотелось мне воскликнуть, но я промолчала.

Прежде чем я поняла, что происходит, Крис настоял, чтобы Джоэл поселился на втором этаже в западном крыле дома. Я вздохнула, мне отчего-то было неприятно, что Джоэл будет жить на одном этаже с нами. Ну да ладно! Послушаем его рассказы, удовлетворим свое любопытство, Барт отметит двадцать пятый день рождения, и вместе с Синди мы улетим на Гавайи.

Примерно в два часа дня мы с Крисом устроились в библиотеке, чтобы побеседовать с мужчиной и женщиной, у которых были отличные рекомендации. Вроде все было в порядке, но я заметила, что они почему-то украдкой переглядываются. К тому же мне не понравилось,

что они вели себя так, словно давно знают нас. Крис уловил мое негативное отношение к этой паре.

– Мне жаль, но мы уже наняли другую семейную пару, – сказал он.

Муж с женой поднялись, чтобы уйти. Женщина задержалась в дверях и многозначительно посмотрела на меня.

– Я живу в деревне, миссис Шеффилд, – проговорила она холодно. – Мне было всего пять лет, но я много слышала о Фоксвортах, которые жили здесь, на холме.

Я отвернулась.

– Не сомневаюсь, – сухо произнес Крис.

Женщина фыркнула и хлопнула дверью.

Следующим был высокий, аристократического вида мужчина с военной выправкой, в его одежде все было аккуратно, до мельчайших деталей. Он вошел и остановился, ожидая приглашения присесть.

– Меня зовут Тревор Мейнстрим Мейджорс, – проговорил он с прекрасным английским произношением. – Я родился в Ливерпуле пятьдесят девять лет назад. Женился в Лондоне, когда мне было двадцать шесть, три года назад жена умерла. Двое моих сыновей живут в Северной Каролине. Если бы мне удалось найти работу в Виргинии, то в свободное время я смог бы навещать их...

– Где вы работали после того, как ушли от Джонстонов? – спросил Крис, просмотрев послушной список Мейджорса. – У вас замечательные характеристики вплоть до прошлого года.

Тут Крис спохватился и предложил англичанину сесть. Тревор Мейджорс сел, несколько раз переместил свои длинные ноги и поправил галстук, затем вежливо ответил:

– Я работал у Миллерсонов, которые уехали отсюда с полгода назад.

Он замолчал. Я слышала когда-то о Миллерсонах от матери, и сердце мое дрогнуло при упоминании знакомой фамилии.

– Сколько вы у них проработали? – дружелюбно спросил Крис; его голос звучал вполне спокойно, хотя он и уловил тревогу в моем взгляде.

– Недолго, сэр. У них было пятеро своих детей, да еще постоянно приезжали племянники и племянницы, подолгу гостили друзья. А я был единственным слугой. Все домашнее хозяйство лежало на мне: приготовление пищи, уборка, стирка, вождение автомашины и – гордость и радость каждого истинного англичанина – работа в саду. А бесконечные поездки на машине с пятью детьми – в школу и обратно, на занятия танцами, на спортивные соревнования, в кино и тому подобное – занимали столько времени, что мне не всегда удавалось приготовить приличный обед. Однажды мистер Миллерсон отчитал меня за то, что я не успел скосить газон и прополоть клумбы, к тому же, по его словам, в доме уже две недели не было приличного обеда. В этот день я вообще запоздал с обедом, из-за этого он и поднял крик. А я был очень занят: его жена приказала мне отвезти ее за покупками, я долго ждал ее у магазинов, затем она послала меня забрать детей из кино... ну и когда же я успел бы приготовить обед? Я объяснил мистеру Миллерсону, что я не робот, что не могу делать все сразу, и заявил, что ухожу. Он очень разозлился и пригрозил, что не даст мне хорошей рекомендации. Но если вы согласны подождать несколько дней, я все же обращусь к нему – надеюсь, он уже остыл и понял, что я делал все, что мог, даже в таких трудных условиях.

Я вздохнула и подала Крису тайный знак – человек нам подходит. Крис даже не взглянул в мою сторону.

– Я думаю, что вы хороший работник, мистер Мейджорс. Мы возьмем вас с месячным испытательным сроком, но, если ваша работа окажется неудовлетворительной, мы с вами расстанемся.

Тут Крис наконец посмотрел на меня:

– Разумеется, если жена не против...

Я молча встала и кивнула. Нам действительно нужна прислуга. Не собиралась же я тратить все свое время на уборку этого огромного дома.

– Пожалуйста, называйте меня просто Тревором. Я сочту за честь и удовольствие служить в таком великолепном доме.

Он вскочил на ноги, едва я поднялась. Крис также встал, и они пожали друг другу руки.

– Я очень рад, – проговорил он и приветливо улыбнулся нам.

В течение трех дней мы наняли трех слуг. Это было нетрудно, поскольку Барт обещал щедро платить им.

* * *

На пятый день нашего пребывания в Фоксворт-холле, вечером, мы стояли с Крисом на балконе и глядели на горы. Над нами сияла та же старая луна, которая светила и в ту давнюю ночь, когда мы впервые вступили под своды старого дома. Око Господне – верила я, когда мне было пятнадцать. В других местах луна казалась мне романтической, волшебный лунный свет смывал мои страхи и грехи. А здесь я воспринимала луну как жестокого судью, всегда готового вынести нам приговор.

– Чудесная ночь, правда? – спросил Крис, обняв меня за талию. – Мне очень нравится этот балкон, который Барт придумал пристроить к нашим апартаментам. Он не привлекает внимания посторонних, потому что находится в боковой части здания, и в то же время с него открывается прекрасный вид на горы.

Горы в синей дымке всегда представлялись мне чем-то вроде тюремной стены, за которой мы были обречены вечно томиться, как пленники пустой надежды. Даже сейчас я воспринимала их мягкие очертания как барьер, отделяющий меня от свободы. Господи, если Ты зришь на нас сверху, помоги мне выдержать эти несколько недель!

В полдень следующего дня мы с Крисом и Джоэлом стояли у окна над портиком дома, наблюдая, как низенький красный «ягуар» спешит по крутому серпантину дороги, ведущей к Фоксворт-холлу.

Барт гнал машину, не соблюдая никакой осторожности, на дьявольской скорости, как будто бросая вызов смерти. У меня замирало сердце, когда я наблюдала, как он виражирует на опасных поворотах.

– Видит Бог, он мог бы быть и поосторожнее, – проворчал Крис. – Ведь с ним то и дело что-нибудь случается... А поглядите на него – он ведет себя так, будто заговорен от смерти.

– Некоторые и заговорены... – загадочно произнес Джоэл.

Я удивленно взглянула на него, затем снова стала наблюдать за маленькой красной машиной, которой уже кое в чем повезло. Дело в том, что Барт каждый год покупал новую машину, каждый раз только красного цвета. Он испробовал чуть ли не все дорогие машины в поисках наилучшей, по его мнению. Именно эта полюбилась ему и осталась у него надолго, он даже известил нас об этом в коротком письме.

С визгом машина остановилась, запахло горелой резиной, последние метры пути были отмечены длинными черными полосами от раскаленных протекторов. Взмахнув приветственно рукой, Барт снял темные очки и тряхнул головой, откидывая назад темные растрепанные волосы. Затем, пренебрегая дверцами, он выпрыгнул из своей открытой машины, снял перчатки и небрежно кинул их на сиденье. Взбежав по ступеням, он приподнял меня своими сильными руками и запечатлел по несколько поцелуев на каждой моей щеке. Я была ошеломлена столь горячим приветствием и так же горячо ответила ему. Но в тот момент, когда мои губы прижались к его щеке, он отпустил меня и даже слегка оттолкнул, как будто я ему уже надоела.

Он стоял, освещенный ярким солнцем, высокий – шесть с лишним футов, в его темно-карих глазах светились ум и сила. Он был прекрасно сложен: широкие плечи, мускулистое тело, узкие бедра, длинные ноги. Даже в обычном белом спортивном костюме он смотрелся великолепно.

– А ты замечательно выглядишь, мама, просто чудо! – Его темные глаза оглядели меня с головы до пят. – Спасибо, что надела это красное платье – мой любимый цвет...

Я тронула за руку Криса.

– Спасибо, Барт, я всегда его надеваю специально для тебя.

Сейчас он найдет какие-нибудь теплые слова и для Криса, надеялась я. Я ждала этого. Но Барт сделал вид, что не заметил Криса, и повернулся к Джоэлу:

– Ну, дядя Джоэл, ведь в самом деле моя мама красива? Помните, я говорил вам?

Рука Криса больно сжала мою. Барт всегда находил способ обидеть того единственного отца, которого он знал.

– Да, Барт, твоя мать очаровательна, – ответил Джоэл хриплым, дребезжащим голосом. – Вероятно, именно так должна была выглядеть моя сестра Коррина в этом возрасте. По крайней мере, такой я представлял ее себе.

– Барт, поздоровайся же со своим... – Я запнулась: хотела сказать «отцом», но боялась, что Барт ответит на это грубостью, поэтому сказала: – С Крисом.

Барт перевел на Криса жесткий взгляд темных глаз и небрежно произнес грубоватое приветствие.

– А вы не стареете, да? – произнес он каким-то обличающим тоном.

– Уж извини, Барт, – сдержанно ответил Крис. – Но время иногда делает свое дело незаметно.

– Вероятно, это так.

Если бы я могла отшлепать Барта!

Отвернувшись от нас, Барт занялся осмотром газонов, шикарных цветочных клумб, пышных кустарников, садовых дорожек, бассейнов, вазонов и скульптур.

– Это великолепно, просто великолепно, – с хозяйской гордостью улыбался он. – Все как я хотел. Я много повидал, но ни одно поместье не может сравниться с Фоксворт-холлом.

Его темные глаза встретились с моими.

– Я знаю, что ты думаешь, мама. Я знаю, что на самом деле здесь все не так совершенно. Однако настанет время... Я продолжу строительство, добавлю новые флигели, и когда-нибудь этот дом затмит любой европейский дворец. Я приложу все силы, чтобы сделать Фоксворт-холл настоящей достопримечательностью.

– И кого ты удивишь, когда выполнишь задуманное? – спросил Крис. – Миру не нужны больше огромные дома и несметные богатства, он перестал уважать тех, кому они достаются в наследство.

Черт возьми! Крис редко говорил так бестактно и грубо. Зачем он это сказал? Лицо Барта вспыхнуло под темным загаром.

– Я собираюсь увеличить свое состояние собственным трудом, – вскипел Барт и шагнул к Крису.

Тонкий и высокий, он возвышался над Крисом, как башня. Человек, которого я привыкла считать своим мужем, с вызовом смотрел в глаза моему сыну.

– До сих пор я делал это для тебя, – сказал Крис.

К моему удивлению, Барт как будто обрадовался такому заявлению:

– Вы хотите сказать, что, будучи попечителем, увеличили мою долю наследства?

– Да, и это не составило большого труда, – лаконично произнес Крис. – Деньги делают деньги, и инвестиции, которые я осуществлял от твоего имени, принесли значительные прибыли.

– Десять к одному, что я бы сделал это лучше.

– Мне следовало ожидать от тебя подобную благодарность, – усмехнулся Крис.

Я переводила взгляд с одного на другого, и мне было жаль обоих.

Крис был зрелым мужчиной, он знал себе цену, был уверен в себе и с этой уверенностью спокойно шел по жизни. Барт же все еще искал себя, свое место в жизни, жаждал самоутверждения.

Сынок, сынок, когда же ты научишься скромности и благодарности? Много раз по ночам я видела, как Крис занимается расчетами, стараясь определить, куда наиболее выгодно вложить деньги. Он будто предвидел, что рано или поздно Барт упрекнет его в слабых финансовых способностях.

– Что ж, очень скоро у тебя появится возможность проверить свои умения, – подвел черту Крис и повернулся ко мне: – Пойдем, Кэти, прогуляемся до озера.

– Постойте! – воскликнул Барт, кажется несколько обиженный тем, что мы уходим, хотя он только что приехал. Я разрывалась между желанием уйти с Крисом и остаться, чтобы доставить радость моему сыну. – А где Синди?

– Она скоро приедет, – отозвалась я. – Сейчас Синди гостит у своей подруги. Может, тебе интересно будет узнать, что Джори и Мелоди собираются приехать сюда отдохнуть?

Барт молча уставился на меня, как будто это сообщение испугало его, потом на его красивом загорелом лице отразилось странное волнение.

– Барт, – сказала я, сопротивляясь желанию Криса увести меня от сына как от источника новых волнений. – Дом действительно великолепен. Те незначительные изменения, которые ты внес, только улучшили его.

Он очень удивился:

– Мама, ты считаешь, что он не точная копия? Я думал...

– О нет, Барт. Балкона со стороны наших комнат раньше не было.

Барт стремительно повернулся к «дядюшке» Джоэлу:

– Вы сказали мне, что балкон был! – воскликнул он.

С сардонической усмешкой Джоэл шагнул к нему:

– Барт, сынок, я не солгал. Я никогда не лгу. У старого дома был балкон. Мать моего отца распорядилась сделать это. И через этот балкон к ней пробирался ее любовник, чтобы не заметили слуги. Позже она и сбежала с этим любовником через балкон, даже не разбудив мужа, который запирает дверь их спальни и прятал ключ. Когда Малькольм стал хозяином, он приказал сломать балкон... но он действительно украшает ту часть дома.

Удовлетворенный этим объяснением, Барт повернулся ко мне:

– Вот видишь, мама, ты не все знаешь об этом доме. Дядя Джоэл здесь настоящий эксперт. Он описал мне во всех деталях мебель, картины, и в результате дом получился не только подобным оригиналу, но даже лучше его.

Барт не изменился. Он все еще был одержим идеей стать копией Малькольма Фоксворта, если не по внешности, то по характеру и твердому намерению стать богатейшим человеком в мире – не важно, какой ценой.

Мой младший сын

Вскоре после приезда Барт стал в деталях разрабатывать план празднества по поводу своего дня рождения. К моему удивлению и радости, он, по-видимому, приобрел много друзей в Виргинии, когда приезжал сюда на летние каникулы. Мы обижались на него за то, что он так мало гостил летом у нас в Калифорнии, которую я считала его родиной. А теперь оказалось, что он знаком со многими людьми, о которых я и не слышала, в колледже он познакомился со многими юношами и девушками и намеревался пригласить их на свой праздник.

Я провела в Фоксворт-холле всего несколько дней, однако однообразие этих дней, когда нечем заняться, кроме еды, сна, чтения, телевизора и прогулок по саду и лесу, уже довело меня до крайности, и оставалось только страстное желание бежать отсюда как можно скорее. Глубокая тишина, в которую была погружена эта горная сторона, вселяла в мою душу чувство безнадежности и одиночества. Тишина действовала мне на нервы. Хотелось слышать голоса, множество голосов, слышать телефонные звонки, встречаться с людьми, чтобы они приезжали и уезжали, здоровались и прощались, но... никого не было. Имелось, конечно, какое-то местное общество, но многие из них слишком хорошо знали Фоксвортов, и именно их мы с Крисом должны были избегать. У нас были старые друзья в Нью-Йорке и Калифорнии, я хотела бы пригласить их на день рождения Барта, но без его разрешения не осмелилась. Я без конца бродила по огромным комнатам, иногда одна, иногда с Крисом. Мы с ним гуляли по саду, ходили по лесным тропинкам, разговаривали. Очень редко кто-нибудь еще принимал участие в наших беседах и прогулках.

Крис вновь вернулся к своему былому увлечению акварелью, но я-то не могла снова начать танцевать. Однако я каждый день делала упражнения, к которым привыкла: они поддерживали меня в форме и я охотно принимала разные балетные позы, особенно когда об этом просил Крис. Однажды, когда я в красном трико занималась у стула в нашей гостиной, туда заглянул Джоэл. Я услышала его удивленный возглас и, обернувшись, увидела, что он уставился на меня, как будто я голая.

– В чем дело? – сердито спросила я. – Случилось что-то ужасное?

Он широко раскинул свои длинные, тонкие, бледные руки, на его лице было такое выражение, будто мое тело внушает ему отвращение.

– Вам не кажется, что в вашем возрасте не стоит стараться быть соблазнительной?

– Вы когда-нибудь слышали об упражнениях, Джоэл? – неприязненно спросила я. – Вам не следует без необходимости ходить в эту часть дома. Не выходите из своих комнат, и никогда не будете чем-то шокированы.

– Вы не очень-то вежливы с теми, кто старше и мудрее вас, – с горечью сказал он.

– Извините, если так. Но ваши слова и выражение лица оскорбили меня. Чтобы в этом доме был мир, пока мы здесь живем, держитесь от меня подальше, Джоэл, особенно когда я нахожусь в своей части дома. Здесь достаточно места для того, чтобы каждый мог чувствовать себя уединенно, даже не запирая двери.

Он отвернулся и ушел, но я успела разглядеть негодование в его взгляде. Я смотрела ему вслед, размышляя, права ли я. Может быть, он всего лишь безобидный старик, не знающий, чем себя занять. Но извиняться еще раз я не стала. Вместо этого я стянула с себя трико, надела шорты и топ и с мыслью о том, что скоро Джори с женой обрадуют меня своим приездом, пошла искать Криса. Я задержалась возле кабинета Барта и услышала, что он договаривается с поставщиком о доставке продуктов как минимум на две сотни гостей. Это ошеломило меня. Ох, Барт, ты сам не представляешь, что затеял! Конечно, некоторые не приедут, а если приедут, то помоги нам господи!

Оставаясь у дверей, я расслышала фамилии приглашенных, они не все были из Америки. Много известных людей из Европы, с которыми Барт встречался во время своих поездок. Пока он учился в колледже, он без усталости колесил по миру, знакомился с разными известными людьми – политическими деятелями, учеными, финансовыми гениями. Я считала, что его неугомонность объясняется тем, что он не может быть счастлив в каком-либо одном месте, с одними и теми же людьми, ему постоянно хотелось чего-то нового, неизведанного.

– Все приедут, – сказал он собеседнику на том конце провода. – Когда они прочтут мои приглашения, то не смогут отказаться.

Он повесил трубку и, повернувшись на стуле, увидел меня.

– Мама! Ты подслушиваешь?!

– Эту привычку я переняла у тебя, дорогой.

Он нахмурился.

– Барт, почему ты не хочешь отметить день рождения в кругу семьи? Или пригласить своих лучших друзей? Соседей, наверно, не стоит звать. По рассказам моей матери, они всегда ненавидели Фоксвортов, которые обладали слишком многим, тогда как у них самих было слишком мало. Но Фоксворты пришли и ушли, а их соседи остались. И пожалуйста, не приглашай никого из местного общества, даже если Джоэл скажет тебе, что они его друзья, а следовательно, твои и наши.

– Боишься, что всплывут все ваши грехи, мамочка? – безжалостно спросил он.

Я уже привыкла к этому, но внутренне содрогнулась.

Неужели так ужасно, что мы с Крисом живем как муж и жена? Все газеты полны сведениями о преступлениях более страшных, чем наше.

– Ну ладно, мамочка, не гляди на меня так! Постараемся быть счастливыми, хотя бы для разнообразия. – Бронзовое лицо Барта горело от веселья и возбуждения. – Мамочка, ну развеселись, хотя бы ради меня! Когда слух о предстоящем празднике дойдет до соседей, – а он дойдет, потому что мой поставщик лучший в Виргинии и очень любит похвастать, – никто не сможет устоять против желания побывать здесь. Ты ведь слышала, я пригласил артистов из Нью-Йорка и Голливуда, а кроме того, я уверен, каждый захочет увидеть, как танцуют Джори и Мелоди.

Я обрадовалась и удивилась:

– Ты их просил об этом?

– Нет еще, но не смогут же мой собственный брат и невестка отказать мне? Знаешь, мама, я решил, что весь праздник будет происходить в саду, при лунном свете. Только представь: лужайки освещены золотыми шарами, повсюду бьют фонтаны и в струях воды играют разноцветные огни. На самолете доставят настоящее шампанское и разные напитки. Закуски будут самые лучшие. В центре этого волшебного мира расположится театр. Столы будут накрыты скатертями разного цвета. И кругом будут рассыпаны цветы. Я покажу всему миру, что могут делать Фоксворты.

Он рассказывал о своих планах с большим восторгом.

Когда я вышла от него и разыскала Крису, который беседовал с одним из садовников, на душе у меня было легко и спокойно. Возможно, наступает то лето, когда Барт наконец найдет свое место в жизни.

* * *

Два дня спустя я снова сидела в его офисе, в глубоком удобном кресле, и с восхищением отмечала, как много он успел сделать с тех пор, как приехал домой. Конечно, все это ультрасовременное оборудование офиса было подготовлено заранее и только ждало приезда

своего владельца, чтобы его немедленно установили так, как он сочтет нужным. Небольшая спальня за библиотекой, которую до самой смерти занимал наш ненавистный дед, была превращена в кабинет для картотеки. Комната, где обычно находились дежурные сиделки или прислуга нашего деда, была переоборудована под кабинет для секретаря (если Барт когда-нибудь найдет человека, отвечающего его жестким требованиям). Длинный изогнутый стол был занят компьютером с двумя принтерами, которые выдавали какие-то тексты, даже когда мы с Бартом беседовали. Я умела очень быстро печатать на машинке, но скорость их печати меня удивила. Магнитные барабаны принтеров находились под толстыми плексигласовыми колпаками.

Барт с гордостью показывал мне, как можно поддерживать связь почти со всем миром, находясь в своем офисе, – следует только нажать кнопку, включив программу «Информация». Лишь сейчас я узнала, что как-то летом он два месяца изучал программирование.

– Зато теперь, мама, я могу отдавать все распоряжения о покупке и продаже акций или недвижимости, используя точные данные непосредственно с компьютера. Я намерен этим заниматься, пока не открою собственную юридическую фирму. – Он произнес это задумчиво, даже с оттенком сомнения.

Я подумала в этот момент, что он поступил в Гарвард только потому, что в свое время там учился его отец. А на самом деле юриспруденция не представляет для него интереса, ведь интересуется он только финансовыми вопросами и «деланием денег». Делать деньги – его призвание.

– Разве у тебя недостаточно денег, Барт? Разве ты не можешь купить все, что захочешь? Какое-то мальчишеское простодушие и грусть отразились в его глазах.

– Деньги мне нужны для самоутверждения, для того, чтобы меня уважали, мама. У меня нет других талантов. Я не умею танцевать, как ты, как Джори. Я не смогу достаточно достоверно изобразить цветок, а тем более человека.

Вероятно, он намекал на любительскую живопись Криса.

– Когда я захожу в музеи или художественные галереи, я не ощущаю благоговения перед силой искусства. Я не вижу ничего замечательного в «Моне Лизе». Я вижу только бледнолицую, не очень красивую женщину, которая, по-моему, не может никого возбудить. Я не способен оценить классическую музыку, да и любую другую... Говорят, правда, что у меня неплохой голос. Я часто пел, когда был ребенком. Я был бестолковым в детстве, да? Часто смешил тебя своими глупостями? – Он трогательно улыбнулся и умоляюще протянул ко мне руки. – У меня нет таланта художника или артиста, и поэтому я освоил единственное, что хорошо понимал, – язык цифр, а цифры являются для меня олицетворением денег, долларов и центов. Даже в музеях я мог восхищаться только одним – драгоценными камнями и золотом. – Его глаза засверкали. – Блеск и сияние алмазов, рубинов, изумрудов, жемчуга – вот это я способен воспринять. Золото, горы золота – это я могу понять. Я вижу красоту золота, серебра, меди и нефти. Знаешь, я ездил в Вашингтон только для того, чтобы увидеть, как чеканят монеты из золота. Какое я испытал бы наслаждение, если бы вдруг все золото стало принадлежать мне!

Восхищение мое прошло, и меня вдруг охватила жалость к моему сыну.

– А женщины, Барт? А любовь? А семья, дети? Друзья? Тебе не хочется влюбиться и жениться?

Несколько секунд он бездумно смотрел в пространство, постукивая по столу сильными пальцами, потом поднялся и подошел к широкому, во всю стену, окну, посмотрел на газоны и далекие горы в голубой дымке.

– Я знаю, что такое секс, мама. Я испытал это. Не ожидал получить удовольствие от этого, но получил. Я почувствовал, что тело может оказаться сильнее воли. Но я никогда не любил. Не представляю, как можно быть преданным одной женщине, когда вокруг много

других, не менее красивых, и стоит только пожелать... Когда мимо меня проходит красивая девушка, я оборачиваюсь и смотрю ей вслед, и почти всегда она делает то же самое: оборачивается и смотрит на меня. Их так легко заполучить в свою постель – отказа не будет. – Он замолчал и взглянул на меня. – Я просто пользуюсь женщинами, если мне надо, и иногда сам себя стыжусь. Я беру их и затем отбрасываю, как ненужную вещь. А когда после я встречаю их, то не узнаю, не надо даже притворяться. Все они потом ненавидят меня.

Он с некоторым вызовом встретил мой удивленный взгляд.

– Ты шокирована? – тихо спросил он. – Или ты ожидала, что из твоего сына вырастет такой грубый тип?

Я проглотила комок в горле, собираясь изречь что-нибудь умное и правильное, но так и не нашла что сказать. Едва ли кто-нибудь сумел бы найти слова, которые могли бы изменить Барта: разве слова могут заставить человека не быть тем, кем он хочет быть... если он знает, кем он хочет быть.

– Я считаю, что ты – продукт своего времени. – Я старалась говорить мягче, без обвинительных ноток. – Мне просто жаль ваше поколение за то, что из вашей жизни ушло такое прекрасное чувство, как любовь. Где романтика в ваших отношениях с женщиной? Что вы можете дать женщине, которую берете к себе в постель? Разве ты не понимаешь, что для того, чтобы отношения с женщиной переросли в любовь, требуется время? Это не может случиться за одну ночь. За одну ночь не могут сложиться прочные отношения. Ты смотришь на прекрасное женское тело и желаешь им овладеть, но это не любовь.

Его глаза смотрели так напряженно и в них светился такой интерес, что я решила продолжить, особенно после того, как он спросил:

– А как ты объяснишь, что такое любовь?

Этот вопрос был своего рода ловушкой, ведь он знал, что каждая любовь в моей жизни либо была несчастной, либо не укладывалась в рамки общепринятого. Однако я ответила, надеясь уберечь его от возможных ошибок:

– Я не могу это объяснить, да и никто, думаю, не сможет. Это чувство растет с каждым днем от встречи до встречи с человеком, который понимает все твои нужды и стремления, как ты понимаешь его. Оно начинается с легкого прикосновения к твоему сердцу, которое вдруг становится восприимчивым ко всему прекрасному. Ты видишь красоту даже там, где раньше видел только уродство. Ты чувствуешь жар в груди, беспричинную радость. Вдруг начинаешь ценить то, что прежде игнорировал. Твои глаза встречаются с глазами того, кого ты любишь, и ты видишь в них отражение собственных чувств, надежд и желаний, ты счастлив просто оттого, что этот человек рядом. Даже не прикасаясь друг к другу, можно чувствовать тепло от близости человека, которым полны все твои мысли. И однажды ты коснешься только руки, ее или его руки... Какое прекрасное ощущение! Это прикосновение необязательно должно быть интимным, оно может быть случайным. Возбуждение нарастает, тебе постоянно хочется видеть этого человека, быть с ним – речь пока не о сексе, просто быть рядом и всем существом тянуться к нему. Короче говоря, он становится частью твоей жизни прежде, чем соединятся ваши тела. И только тогда ты начинаешь думать о сексе, о сексуальной близости с этим человеком. Начинаешь мечтать об этом. Ты стараешься прогнать эти мысли, ждешь... ждешь удобного момента. Тебе хочется, чтобы любовь эта осталась с тобой навсегда, чтобы ей не было конца. Так медленно, шаг за шагом, ты приближаешься к тому, что станет кульминацией твоего чувства. День за днем, минута за минутой, секунда за секундой ты приближаешься к ней, ты уверен в своей избраннице, уверен в том, что не разочаруешься, что она искренна, достойна доверия, даже когда вы в разлуке. Настоящая любовь – это вера, надежда, мир в душе и огромное счастье. Влюбиться по-настоящему – это словно включить свет в темной комнате: внезапно все становится четким и ярким. Ты никогда уже не будешь одинок, потому что она любит тебя, а ты любишь ее.

Я остановилась, перевела дыхание, увидела, что он слушает меня с интересом, и продолжила:

– Я хочу этого для тебя, Барт. Больше, чем неисчислимых тонн золота, больше, чем несметных бриллиантовых сокровищ, я желаю тебе любви, чтобы ты нашел в жизни чудесную девушку и влюбился в нее. Забудь о деньгах. У тебя их достаточно. Оглянись, распахни глаза и открой для себя радости жизни, оставь погоню за деньгами.

– Значит, так женщины воспринимают любовь и секс, – задумчиво произнес Барт. – Это интересно. Но мужчины чувствуют иначе, я знаю... Хотя все, что ты рассказала, очень интересно.

Он отвернулся и продолжил:

– Я действительно пока не знаю, чего я хочу от жизни, кроме денег. Мне сказали, что из меня получится хороший адвокат, поскольку я умею вести дебаты. Но я еще не решил, какую специализацию в юстиции мне выбрать. Я не хотел бы заниматься криминалистикой, как мой отец, потому что мне иногда пришлось бы защищать в качестве адвоката заведомо виновного человека. А я так не могу. Общее право мне кажется скучным. Я подумываю о политике. Эта сфера деятельности наиболее привлекательна для меня. Но... мои проклятые психические отклонения в детстве, возможно наследственные, сведения о том, что я был на учете у психиатра, могут испортить мою репутацию... Стоит ли мне идти в политику?

Встав из-за стола, он подошел ко мне и взял меня за руку:

– Мне понравилось, как ты разговаривала со мной. Расскажи мне еще о своей любви, о мужчинах, которых ты любила. Кого из них ты любила больше? Джулиана, своего первого мужа? Или того замечательного доктора по имени Пол? Я думаю, что тоже смог бы полюбить его, но, к сожалению, совсем его не помню. Он женился на тебе после моего рождения, чтобы дать мне свою фамилию. Я хочу вызвать в памяти его облик, но не могу. А Джори может, Джори его хорошо помнит. Он даже помнит моего настоящего отца.

Он говорил с каким-то пылом и даже наклонился, чтобы глядеть мне прямо в глаза.

– Ну скажи мне, что ты больше всего любила моего отца! Скажи, что он единственный из всех остальных твоих мужчин по-настоящему владел твоим сердцем! Не надо говорить, что ты использовала его только как орудие мести, чтобы нанести удар твоей матери! Не говори, что ты использовала его любовь, чтобы спастись от любви своего собственного брата!

Я не могла вымолвить ни слова. Тяжелый, мрачный взгляд его темных глаз пронзал меня.

– Неужели ты не представляешь, насколько ваша кровосмесительная связь испортила и испоганила мне жизнь? Я молил Бога и надеялся, что когда-нибудь ты расстанешься с ним, но этого так и не случилось. Я даже предположил, что нечистый дух овладел обоими вами и укрепляет вашу греховную связь именно потому, что она противна Божьей воле.

Опять я попалась! Снова он заманил меня в ловушку своими сладкими речами.

– Да, я любила твоего отца, Барт, можешь в этом не сомневаться. Возможно, именно желание отомстить моей матери за все ее зло заставило меня добиваться его расположения. Потом, всего добившись, я поняла, что люблю его, а он любит меня... И тут же почувствовала, что, поймав его, я попалась на крючок и сама. Он не мог жениться на мне. Он любил меня, но любил и мою мать. Он разрывался между нами. Я решила забеременеть, чтобы положить конец его колебаниям. Но и это не помогло. И тогда как-то ночью я рассказала ему, как его жена заперла нас, как она превратила в заключенных собственных детей. Поверив мне, он так ожесточился против нее, что пообещал жениться на мне. Я думала, что ее деньги удержат его, но он действительно решил на мне жениться.

Я направилась к двери. Барт не произнес ни слова. На пороге я обернулась к нему. Он опять сидел в своем рабочем кресле, поставив локти на крышку стола и обхватив ладонями склоненную голову.

– А как ты думаешь, мама, кто-нибудь полюбит меня ради меня самого, а не ради денег? Сердце мое дрогнуло.

– Конечно, Барт. Но тебе не стоит ожидать этого здесь, где все знают, что ты богат. Почему бы тебе не уехать? Устройся где-нибудь на северо-востоке или на западе. Тогда, если ты найдешь девушку, которая не будет подозревать о твоём богатстве, особенно если ты будешь работать обыкновенным юристом...

Он поднял голову:

– Я уже изменил официально мою фамилию, мама.

Страх охватил меня, мне не хотелось спрашивать, но я спросила:

– И какую же фамилию ты взял?

– Фоксворт, – ответил он, подтвердив мои опасения. – В самом деле, я ведь не могу носить фамилию Уинслоу, поскольку мой отец не был твоим мужем. И фамилия Шеффилд – чистый обман. Ведь Пол на самом деле не был моим отцом, и тем более твой брат, носящий эту фамилию, слава богу, мне не отец.

Я вздрогнула и похолодела от мрачного предчувствия. Ведь это первый шаг к превращению моего сына... в нового Малькольма, чего я боялась больше всего.

– Я бы предпочла, чтобы ты выбрал фамилию Уинслоу, Барт. В память о твоём умершем отце, его бы это обрадовало.

– Не сомневаюсь, – сухо произнес он. – И я серьезно все обдумал. Но, выбрав фамилию Уинслоу, я теряю законное право считать себя Фоксвортом. А это хорошая фамилия, мама, она уважаема всеми, кроме жителей этой деревни, но они не в счет. Я чувствую себя настоящим хозяином Фоксворт-холла, который ныне очищен от всякой скверны и греха. – Его глаза засияли от счастья. – Вот увидишь, не все меня ненавидят и считают ниже по достоинству, чем Джори. Дядя Джоэл подтверждает это.

Он замолчал, чтобы понять мою реакцию. Я же постаралась ничего не выразить, и его это явно обескуражило.

– Ладно, мама, иди. У меня впереди еще целый день работы.

Рискуя его рассердить, я все же задержалась, чтобы сказать:

– Барт, я хочу, чтобы, сидя в своем офисе, ты помнил, что у тебя есть семья, которая очень тебя любит и желает тебе счастья. Если для того, чтобы гордиться собой, тебе нужно увеличивать свое богатство, стань самым богатым человеком в мире. Только пусть это делает тебя счастливым, этого мы все тебе желаем. Найди свое место в жизни, ибо уверенность в себе – самая важная вещь.

Притворив за собой дверь его кабинета, я направилась к лестнице, где чуть не столкнулась с Джоэлом. По вороватому взгляду его голубых глаз я поняла, что он подслушивал нас. Но разве я сама не занималась недавно тем же?

– Извините, не заметила вас в вашем укрытии, Джоэл.

– Я не собирался подслушивать, – произнес он, странно взглянув на меня. – Однако те, кто рассчитывает услышать обидные слова, не бывают разочарованы.

И он скользнул прочь, как старая церковная мышь, которой не удалось раздобыть достаточно пищи, чтобы унять свою страсть к созданию проблем. Он заставил меня почувствовать себя виноватой, пристыженной. Подозрения, всегда эти чертовы подозрения и недоверие к каждому, кто носит фамилию Фоксворт.

Но ведь у меня есть все основания для этого.

Мой старший сын

За шесть дней до праздника Джори и Мелоди прилетели в местный аэропорт. Мы с Крисом встречали их там с такой радостью, будто давно не виделись, хотя расстались всего десять дней назад. Джори слегка огорчился, что их не встретил сам Барт, чтобы торжественно ввести в свой сказочный новый дом.

– Он занят в саду и просил принести вам, Джори и Мелоди, свои извинения.

Хотя он и не просил.

Оба посмотрели на меня так, будто не поверили. Тогда я стала подробно объяснять, что Барту приходится наблюдать за целой ордой рабочих, которых он нанял, чтобы они в короткий срок превратили наши газоны и лужайки в райский сад или во что-то близкое к этому.

Джори улыбнулся, услышав о готовящемся торжестве, сам он предпочитал небольшие интимные вечеринки, где все друг друга знают.

– Ну что ж, – шутливо произнес он. – Ничего не изменилось под этим солнцем: Барт всегда чересчур занят, когда дело касается меня и моей жены.

Я пристально смотрела на него, его лицо так разительно напоминало мне моего первого мужа, юного Джулиана, который также был моим партнером в балете. Моего мужа, память о котором до сих пор причиняла мне боль и наполняла сердце старой мучительной виной – виной, которую я старалась смыть с себя, любя его сына сильнее, чем когда-то его.

– С каждым разом я замечаю, что ты все больше становишься похож на отца.

Мы с ним уселись рядом в машине, а Мелоди села с Крисом и изредка перебрасывалась с ним словами. Джори смеялся, обнимая меня, и наклонялся, чтобы прижаться теплыми губами к моей щеке.

– Мам... вот ты говоришь, что все время наблюдаешь за мной, смотришь, как я танцую. И когда, по-твоему, я достигну той вершины, какой достиг мой отец?

Рассмеявшись, я освободилась от его объятий, откинулась на спинку сиденья и стала смотреть в окно на прекрасный пейзаж. Округлые холмы, горы в туманной дымке, вершины их скрыты за облаками... В поднебесье, ближе к Богу, подумалось мне. Потом я снова вернулась мыслями к Джори. У него было много достоинств, которыми Джулиан не обладал и не мог обладать. По характеру Джори больше походил на Крису, чем на Джулиана, и это тоже причиняло мне боль и стыд, ведь наши отношения с Джулианом тоже могли бы сложиться иначе, если бы не Крис.

В свои двадцать девять лет Джори был удивительно красив, с этими длинными, стройными, сильными ногами и крепкими округлыми ягодицами. Все женщины пялились на него, когда он танцевал на сцене в обтягивающем трико. У него были густые иссиня-черные волосы, волнистые, но не кудрявые, ярко-розовые, чувственно очерченные губы, совершенной формы нос, ноздри которого раздувались от возмущения или волнения. Он обладал довольно пылким темпераментом, который уже давно научился сдерживать, главным образом потому, что ему постоянно приходилось быть терпимым к выходкам Барта – мы все требовали этого от него. Джори обладал еще и внутренней красотой, создающей вокруг него некое электрическое поле, излучающей радость жизни. Его красота была больше чем мужская привлекательность, она включала и воистину духовную силу, и, подобно Крису с его веселым оптимизмом, Джори был уверен, что все в жизни делается к лучшему.

Джори воспринимал свой успех с благородством, с трогательной скромностью и достоинством, в нем совсем не было того высокомерия, которое всегда чувствовалось в Джулиане, даже тогда, когда его выступление оказывалось слабым.

Мелоди пока говорила мало, как будто она была вместилищем какого-то огромного секрета, готового вот-вот выплеснуться из нее, однако по неясной причине она удерживала его в себе, вероятно дожидаясь возможности оказаться в центре всеобщего внимания. У меня с моей невесткой всегда были хорошие, дружеские отношения. Пока мы ехали, она много раз оборачивалась ко мне с переднего сиденья с веселой и счастливой улыбкой.

– Перестаньте нас дразнить, – не выдержала я. – Выкладываете, какие такие хорошие новости вы припасли для нас?

Мелоди смущенно улыбнулась и метнула быстрый взгляд на Джори; со своей рвущейся наружу тайной она была похожа на тугий кошелек с золотыми монетами, который вот-вот лопнет, – так ей хотелось поскорее все рассказать.

– Синди уже приехала? – спросила она.

Когда я ответила отрицательно, Мелоди отвернулась и снова уставилась в переднее стекло. Джори подмигнул мне:

– Мы еще немножко подержим вас в неизвестности, чтобы преподнести сюрприз всем сразу, для большего эффекта. Кроме того, отец сейчас весь сосредоточен на том, чтобы в целости и сохранности доставить нас домой, и не сможет отнестись к нашему сообщению с подобающим вниманием.

После часа езды мы свернули на нашу дорогу, которая серпантинном спускалась с горы; одна сторона этой дороги постоянно проходила над пропастью или над какой-либо расселиной, поэтому Крису приходилось вести машину с удвоенным вниманием.

Едва мы очутились в доме и я стала показывать им нижний этаж под восторженные восклицания, охи и ахи, как Мелоди впорхнула в мои объятия и застенчиво приникла лицом к моему плечу (она была немного выше меня ростом).

– Ну говори, дорогая, – поощрительно произнес Джори.

Она оставила меня, с гордой улыбкой взглянула на мужа, который подбадривающе улыбался ей, и наконец содержимое бесценного кошелька было высыпано перед нами.

– Кэти, я хотела дождаться приезда Синди и рассказать всем сразу... Но я так счастлива, что не могу вытерпеть. Я беременна! Вы даже не представляете, какое это для меня счастье, ведь я так хотела ребенка все эти годы, с тех пор как мы поженились с Джори. И вот теперь уже больше двух месяцев... Наш ребенок появится на свет в начале января.

Ошеломленная, я не могла отвести от нее глаз, потом взглянула на Джори. Он много раз говорил мне, что не станет заводить детей, пока не достигнет вершины успеха, по крайней мере не раньше чем через десять лет своей артистической деятельности. А сейчас он стоял, улыбаясь и явно гордясь собой, как гордился бы любой мужчина на его месте, и этот незапланированный ребенок, судя по всему, восхищал его.

Я очень обрадовалась:

– Мои дорогие, Мелоди, Джори! Я так волнуюсь за вас! Ребенок! Значит, совсем скоро я стану бабушкой?

Потом я пришла в себя. А хочу ли я стать бабушкой?

Крис радостно хлопал Джори по спине, как будто тот был первым на свете мужчиной, сделавшим беременной собственную жену. Потом Крис обнял Мелоди и стал спрашивать, как она переносит беременность и не испытывает ли слабость по утрам. Вероятно, он что-то заметил в ней как врач, чего не видела я. Поэтому я тоже стала разглядывать ее внимательнее.

У нее слегка ввалились глаза, и под ними залегли тени, она была слишком худа для беременной женщины. Однако ее красота, холодноватая красота блондинки, кажется, не понесла никакого ущерба. Все ее движения были исполнены прямо-таки королевской грации, даже когда она просто брала журнал и бегло просматривала его, как сейчас. Я была в недоумении:

– Что-то не так, Мелоди?

– Нет, все в порядке, – как-то натянуто произнесла она, заставив меня подумать, что, наоборот, не совсем все в порядке.

Я бросила быстрый взгляд на Джори. Он незаметно кивнул мне, обещая позже рассказать о том, что тревожит Мелоди.

Всю дорогу от аэропорта до Фоксворт-холла я с беспокойством думала о предстоящей встрече Барта со старшим братом и очень боялась, что может произойти какая-нибудь неприятная сцена, которая все испортит с самого начала. Подойдя к окну, выходящему на боковую лужайку, я увидела Барта на теннисном корте. Он с таким увлечением играл сам с собой, как будто собирался с огромным счетом победить соперника.

– Барт, – позвала я, открыв застекленную дверь. – Твой брат с женой уже здесь.

– Буду через секунду, – отозвался он... и продолжил игру.

– А где же рабочие? – спросил Джори, оглядывая огромный парк, где совершенно никого не было, кроме Барта.

Я стала объяснять, что большинство рабочих уезжают около четырех часов, чтобы не попасть в вечерние пробки на дорогах.

Наконец Барт отбросил ракетку и не спеша направился к нам, на его лице сияла широкая приветливая улыбка. Мы все вышли на боковую террасу, вымощенную многоцветными плитками и декорированную многолетними растениями и легкой мебелью, специально предназначенной для внутренних двориков; расставленные повсюду разноцветные зонтики защищали нас от солнца. Мне показалось, что Мелоди отчего-то затаила дыхание и, натянувшись как струна, подвинулась поближе к Джори. От чего она искала у него защиты? Шаги Барта неожиданно перешли в бег, и Джори поспешил ему навстречу. У меня от волнения громко забило сердце... братья, наконец-то!

Так они встречались, когда были мальчишками. Они колотили друг друга по спине, ерошили друг другу волосы, потом Барт хлопнул брата по плечу, потом они сцепили руки – словом, вели себя так, как обычно ведут себя мужчины, радуясь встрече. Затем Барт обернулся к Мелоди и оглядел ее с головы до ног. И сразу как-то скис.

– Привет, Мелоди, – кивнул он и стал поздравлять Джори с успехами на сцене и с тем признанием, которого они добились. – Очень рад за вас обоих, – проговорил он с какой-то странной улыбкой.

– А у нас для тебя новость, братец, – объявил Джори. – Посмотри-ка внимательно: ты видишь перед собой самую счастливую пару, потому что в январе мы с Мелоди станем родителями.

Барт уставился на Мелоди, но она почему-то отвела глаза. Она стояла вполоборота к Джори, солнце освещало ее сзади, и эта подсветка окрашивала ореол пышных рыжеватых волос на ее голове в огненный цвет, и казалось, что вокруг нее сияет золотой нимб. Она стояла словно Мадонна, готовая вознестись на небо. Грациозный поворот ее лебединой шеи, мягкие контуры небольшого носа, выпуклость изящно очерченных розовых губ – все в ней было прелестно, недаром она считалась самой красивой и очаровательной балериной Америки.

– А беременность тебе к лицу, Мелоди, – мягко произнес Барт, не вслушиваясь в то, что ему говорил Джори об аннулировании на год контрактов на выступления для того, чтобы он смог побыть вместе с Мелоди во время ее беременности и после родов и помочь ей, если потребуется какая-либо поддержка мужа.

Барт посмотрел на застекленную дверь, ведущую на террасу, там стоял Джоэл и наблюдал за нашей семьей. Меня возмутило его появление. Однако потом я устыдилась и жестом пригласила его войти, тем более что Барт позвал его:

– Входите, дядюшка! Я представляю вас моему брату и его жене.

Джоэл медленно двинулся по разноцветным плитам, с шарканьем переставляя ноги. С мрачным видом он поздоровался с Джори и Мелоди, но не протянул им руки.

– Я слышал, что вы танцор, – обратился он к Джори.

– Да... Именно этому занятию я посвятил свою жизнь.

Джоэл повернулся и ушел, не произнеся больше ни слова.

– Кто он, этот таинственный незнакомец? – спросил Джори. – Мама, ты ведь, помнится, говорила нам, что оба брата твоей матери погибли еще в юном возрасте.

Я пожала плечами и предоставила все объяснения Барту.

Вскоре мы проводили Джори и Мелоди в предназначенные им богато обставленные апартаменты. Красные бархатные драпировки, красный ковер и темные панели на стенах придавали комнате какой-то суровый вид. Мелоди огляделась и поморщилась.

– Богато... красиво... ну уж очень... – выдавила она из себя.

Джори засмеялся:

– Дорогая, ну не всегда же жить в комнатах с белыми стенами и голубыми коврами! А мне нравится эта комната, Барт. Она обставлена в твоём духе – классический стиль.

Барт не слушал Джори. Он не отводил глаз от Мелоди, которая плавно скользила по комнате, переходя от одного предмета обстановки к другому, пробегая тонкими, изящными пальцами по блестящим полированным поверхностям. Она заглянула в смежную комнату, служившую гостиной, а затем добралась до великолепной ванной комнаты. Увидев имитированную под старину ванну в форме грецкого ореха, отделанную оловом, она засмеялась:

– О, вот это здорово! Посмотрите, какая глубина: если захочется, можно напустить воды до самого подбородка.

– Прекрасные женщины выглядят так театрально в темных гостиных, – неизвестно к чему произнес Барт.

Никто ничего не сказал, даже Джори, он только пристально посмотрел на брата.

В этой огромной ванной комнате был также душ и стоял красивый туалетный столик с трехстворчатым зеркалом в позолоченной раме. Сидя перед этим столиком на обитой бархатом скамеечке, можно было увидеть себя во всех ракурсах.

Мы рано отобедали и сидели в сумерках на террасе. Джоэл отсутствовал, чему я была чрезвычайно рада. Барт говорил мало, но по-прежнему не отводил глаз от Мелоди, легкое голубое платье которой четко обрисовывало каждый изгиб ее фигуры – бедра, талию, грудь. Мне вдруг стало неприятно, что он так пристально изучает ее. Я заметила явное вождение в его темных горячих глазах.

* * *

Завтракали мы на террасе, где цвели желтые ромашки. Мы смотрели на этот радостный желтый цвет и не опасались, что солнце может надолго скрыться за тучами.

Крис смеялся, слушая какую-то забавную историю, которую рассказывал Джори. Барт только улыбался и все смотрел и смотрел на Мелоди, которая без всякого аппетита ковыряла вилкой в тарелке.

– От любой еды тошнит, – с легким смущением объяснила она. – Дело, конечно, не в еде, а в моем состоянии. Я стараюсь есть медленно и не думать, что меня может стошнить, но тем не менее всегда об этом помню.

Поодаль от нас, под сенью гигантской пальмы, растущей в огромном глиняном горшке, стоял Джоэл. Он тоже неотрывно смотрел на Мелоди, как бы изучая ее профиль. Затем он посмотрел на Джори и прикрыл глаза.

– Джоэл, – окликнула его я. – Проходите и садитесь с нами завтракать.

Он неохотно двинулся к столу, осторожно шаркая мягкими подошвами по плитам. Казалось, он был одет в невидимую грубую домотканую монашескую одежду, а его руки, сложенные на груди, упрятаны в широкие рукава. Он был похож на судью, посланного Всевышним, чтобы взвесить наши грехи, перед тем как пустить нас в Царство Небесное. Слабым и тихим голосом он поздоровался с Джори и Мелоди, покачал головой в ответ на их вопрос о монашеской жизни.

– А я вот не смог бы жить без женщин, – сказал Джори. – Не смог бы жить без музыки и без встреч с разными людьми. Чем-то мне интересен один человек, чем-то другой. У меня сотни друзей, и я счастлив. Мне для общения недостаточно только моих коллег по балету.

– Каждый из нас идет по жизни своим путем, – проговорил Джоэл. – И Бог сначала дарует, потом взыскует.

Мелко засеменяя ногами, он низко склонил голову, как будто тихо молясь или перебирая четки.

– Бог знает, что делает, создавая людей такими разными, – услышала я его бормотание.

Джори повернулся на стуле, глядя вслед Джоэлу:

– Итак, вот он, наш дядюшка, которого все считали погибшим при лыжном спуске с гор. Мам, а может быть, таким же чудесным образом воскреснет и его старший брат?

Барт вскочил со стула, его лицо потемнело от гнева:

– Прекрати насмешки! Старший сын Малькольма погиб, сорвавшись на мотоцикле в пропасть, его тело нашли и похоронили. Он покоится на фамильном кладбище, где я неоднократно бывал. Что касается Джоэла, то его отец даже нанимал детективов для поиска младшего сына. По этой причине Джоэл и укрывался в монастыре. В конце концов он так привык к монастырскому быту, что уже страшился мирской жизни.

Он кинул взгляд в мою сторону, как бы в поисках понимания: ведь и мы, дети, выросшие взаперти, так привыкли к своему затворничеству, что страшились выйти из него.

– Он говорит, что человек, долго живший в изоляции, начинает видеть людей такими, каковы они в действительности, отдаленность от их жизни как бы создает лучшую перспективу для наблюдения.

Я встретила взгляд Криса. Да, мы с ним знали, что такое изоляция.

Встав из-за стола, Крис обратился к Джори и предложил ему осмотреть имение.

– Барт хочет завести лошадей и построить конюшню, чтобы верхом охотиться на лис, как это делал Малькольм. Возможно, когда-нибудь и мы сможем поучаствовать в таком развлечении, вернее, спортивном состязании.

– Это называется спортом? – недоверчиво спросила Мелоди, грациозно поднявшись и торопливо ухватившись за руку Джори. – У меня не поворачивается язык назвать настоящим спортом преследование маленькой безобидной лисички сворой голодных гончих псов – это просто варварство, и все!

– Прямо беда с теми, кто связан с балетом: вы слишком чувствительны для реальной жизни, – отпарировал Барт и направился в противоположную сторону.

* * *

Позднее, после полудня, я застала Криса в холле. Он наблюдал, как Джори тренируется перед зеркалами, используя для поддержки стул. Этих мужчин связывали по-настоящему родственные отношения, и мне очень хотелось, чтобы такие же отношения сложились у Криса с Бартом. Отец и сын, относящиеся друг к другу с уважением и восхищением. Я любовалась ими, прижав руки к груди. Какое счастье, что наша семья опять в полном сборе, вернее, будет в полном сборе, когда приедет Синди. А потом появится малыш, который, возможно, еще крепче свяжет нас друг с другом...

Джори достаточно разогрелся и начал танцевать под музыку из «Жар-птицы». Он вращался с такой скоростью, что казался сверкающим пятном, движением ног он подхлестывал себя, как волчок, и, взлетев высоко в воздух, приземлялся легко, как перышко, удара ног при соприкосновении с полом не было слышно. Его мускулы переливались, когда он снова и снова повторял жете. В безукоризненном воздушном шпагате он так высоко взлетал, что пальцы его ног соприкасались с пальцами раскинутых рук. Я с восхищением наблюдала это выступление, понимая, что оно предназначено специально для нас.

– Видела ты у кого-нибудь еще такое жете? – спросил Крис, поймав мой взгляд. – Посмотри, длина его прыжка, по-моему, более двенадцати футов. Я глазам своим не верю!

– Десять футов, не двенадцать, – поправил Джори, вихрем проносясь по залу.

Делая круг за кругом, он в несколько секунд облетел обширный холл и, тяжело дыша, упал на стеганный мат, специально расстеленный на полу, чтобы после своей напряженной тренировки Джори мог отдохнуть, не испортив потным телом красивую и дорогую обивку стульев и кресел.

– Проклятый пол, чертовски жестко падать на него, – выдохнул он, лежа на спине и опираясь на локти.

– А размах его ног в прыжке! – не унимался Крис. – Даже не верится, что в его возрасте он сохранил такую гибкость.

– Папочка, мне ведь всего двадцать девять, а не тридцать девять, – возразил Джори, которому очень не хотелось осознавать, что с возрастом ему придется уступить место более юным танцорам. – У меня в запасе по крайней мере еще одиннадцать лет, до тех пор я не сдамся.

Я точно знала, о чем он думает сейчас, небрежно развалясь на мате, так похожий на Джулиана. Мне показалось, что время повернулось вспять и мне снова двадцать. У всех танцоров-мужчин мускулы к сорока годам твердеют, и их некогда прекрасные тела становятся вовсе не привлекательными для публики. Долой старье, подавай молодых – вот чего боятся все балетные артисты. Балерины, правда, дольше держат форму благодаря тому, что у женщин существует подкожный жировой слой. Скрестив ноги, я уселась на мат рядом с Джори:

– Джори, ты продержишься дольше, чем большинство танцоров, не расстраивайся. Тебе еще предстоит долгий и славный путь до сорока лет. И кто знает, может быть, ты выдержишься и до пятидесяти.

– Да, конечно, – ответил он, закинув руки за голову и глядя на высокий потолок. – Четырнадцатый номер в длинной шеренге танцоров должен быть счастливым, не так ли?

Сколько раз я слышала, как он говорил, что не мыслит своей жизни без балета? С тех пор, как я сама направила по этому пути совсем крошечного мальчика двух-трех лет.

По лестнице легко соскользнула Мелоди, такая свежая и красивая после ванны с шампунем, в голубом балетном трико, она казалась хрупким весенним цветком.

– Джори, доктор сказал, что я могу продолжать занятия, без сильных нагрузок разумеется, и я намерена танцевать, пока смогу, чтобы поддерживать в форме мои мускулы и вообще... поэтому потанцуй со мной, дорогой. Давай будем танцевать, танцевать...

Тотчас Джори вскочил с мата, подлетел к подножию лестницы и упал на одно колено в романтической позе принца, увидевшего принцессу своих грез.

– С удовольствием, госпожа моя...

Легко подняв ее, он в вихревом кружении пронесся с ней по залу и поставил ее на ноги – все это было выполнено с таким отточенным мастерством и грацией, как будто Мелоди совсем ничего не весила. Тут они снова закружились, танцуя друг для друга, так же как мы с Джулианом когда-то танцевали, наслаждаясь жизнью, молодостью, своим талантом. Слезы выступили у меня на глазах, когда я наблюдала за ними, стоя рука об руку с Крисом.

Словно прочитав мои мысли, Крис обнял меня за плечи и притянул к себе:

– Прекрасная пара, да? Я бы сказал, что они прямо созданы друг для друга. Когда я слегка прикрываю глаза, то сквозь ресницы мне кажется, что это ты танцуешь с Джулианом... но ты была привлекательнее, Кэтрин, гораздо привлекательнее...

Позади нас фыркнул Барт.

Резко обернувшись, я увидела, что следом за Бартом притащился Джоэл, как дрессированная собачонка, и стоит позади него, склонив голову и привычно упрятав руки в невидимые коричневые рукава монашеского одеяния.

– Бог дарует, Бог взыскует, – снова пробормотал старик.

Какого черта он без конца твердит одно и то же?

С беспокойством я перевела глаза на Барта и снова увидела его восхищенный взгляд, прикованный к Мелоди, которая в позиции арабески ожидала, когда Джори подхватит ее. Мне не понравилось то, что я разглядела в темных глазах младшего сына: зависть, смешанная с желанием, которое, я чувствовала, разгорается с каждым часом. На свете полно незамужних женщин, зачем ему Мелоди, жена его родного брата!

Он бешено заплодировал, когда они окончили танец и замерли, устремив взгляд друг на друга и, казалось, позабыв о зрителях.

– Вы должны вот это станцевать на мой день рождения! Джори, пообещай, что станцуете!

Джори неохотно повернул голову и улыбнулся Барту:

– Я могу, если хочешь, но без Мел. Ее врач разрешил ей танцевать совсем немного, как вот сейчас, но настоящее выступление требует большого напряжения сил, а ты ведь, конечно, захочешь, чтобы все было в лучшем виде.

– Но я очень хочу, чтобы Мелоди тоже танцевала, – запротестовал Барт и с умоляющей улыбкой взглянул на невестку. – Пожалуйста, Мелоди, ради моего дня рождения, только один раз... У вас ведь не такой большой срок, никто и не заметит вашей беременности...

Мелоди колебалась, не решаясь отказать Барту.

– Думаю, что мне не стоит этого делать, – запинаясь, произнесла она. – Я очень хочу, чтобы с ребенком ничего не случилось. Я не могу рисковать. Я боюсь потерять его.

Барт старался убедить ее, и, может быть, ему бы и удалось это сделать, но Джори быстро положил конец препирательству:

– Слушай, Барт, я сказал организатору наших концертов, что врач запретил Мелоди выступать. Если она выступит на концерте, он может узнать об этом и нас могут привлечь к суду. Кроме того, она очень устала. Этот танец, который вы только что наблюдали, просто легкая забава. Совсем другое дело – серьезное выступление. Профессиональное выступление требует многих часов подготовительной работы, тренировок и репетиций. Не упрашивай Мелоди, ты ставишь ее в трудное положение. Приедет Синди и сможет стать моей партнершей.

– Нет, – огрызнулся Барт, нахмурился и потеряв весь шарм, с которым он разговаривал только что с Мелоди. – Синди не умеет танцевать, как Мелоди!

Конечно, не умеет. Синди не была профессиональной балериной, но танцевала неплохо, когда хотела. Я и Джори занимались с нею почти с двух лет.

В нескольких шагах позади Барта Джоэл, словно тощая темная тень, выпростал руки из широких рукавов и сложил их перед склоненным лицом. Глаза его были прикрыты, – наверно, он опять молился. Как мне надоело всегда видеть его рядом.

Я заставила себя забыть о Джоэле и стала думать о Синди. Я не могла дождаться, когда она приедет. Очень хотелось услышать ее захлебывающуюся от торопливости девичью болтовню о студенческих балах, свиданиях и знакомых мальчиках. Обо всем, что напоминало мне мою собственную юность и несбывшиеся желания: ведь и мне тогда хотелось иметь то, что сейчас имеет Синди.

Огромный холл был освещен заревом заката, я стояла незаметно в тени большой арки и наблюдала, как Джори снова танцует с Мелоди. Она опять была в трико, на этот раз фиолетового цвета, в соблазнительно порхающей прозрачной тунике, под маленькой крепкой грудью была подвязана фиолетовая атласная лента. Она казалась принцессой, танцующей со своим возлюбленным. О, страсть Джори и Мелоди друг к другу возбуждала и меня. Быть такой же молодой, как они, иметь возможность вновь испытать всю силу желания, все начать сначала...

Вдруг я заметила, что в другой нише стоит Барт, он шпионил... нет, скажем, наблюдал, но еще более заинтересованно, чем я. А еще говорил, что не любит балет и ничего не смыслит в прекрасной музыке! Он небрежно прислонился к стене, скрестив руки на груди. Но во взгляде, следящем за Мелоди, не было никакой небрежности – он был целеустремлен и полон желания. У меня екнуло сердце. Когда же Барт перестанет желать того, что принадлежит брату?

Звуки музыки взлетали над залом. Джори и Мелоди забыли, что за ними могут наблюдать, и были так увлечены танцем, что не могли остановиться, они кружились с дикой страстью, очарованные друг другом, пока Мелоди не прыгнула с разбега в его протянутые к ней руки. Тотчас она прильнула губами к его губам. Как после долгой разлуки, их губы соприкасались снова и снова. Руки скользили по телу, нащупывая самые интимные места. Я, как и Барт, оказалась невольным свидетелем их любовного порыва и не успела уйти. Они жадно ловили поцелуи друг друга. В огне неодолимого желания они упали на пол и докатились до мата. Только тогда я подошла к Барту, он быстро и тяжело дышал.

– Пойдем, Барт, не стоит стоять здесь и наблюдать, ведь танец кончился.

Он отскочил, как будто мое прикосновение обожгло его. Острая тоска в его глазах отозвалась во мне болью и жалостью.

– Им бы надо научиться контролировать свое поведение, по крайней мере, пока они гостят у меня в доме, – сердито произнес он, не отрывая глаз от забывшейся пары: они в исступлении катались по мату, руки и ноги их переплелись, мокрые от пота волосы перепутались при бесконечных поцелуях.

Я затолкала Барта в музыкальную комнату и тихо прикрыла дверь. Эту комнату я не любила. По желанию Барта она была обставлена в мужском вкусе. Здесь стояло огромное пианино, на котором никто никогда не играл, хотя я раза два видела, как Джоэл трогал пальцами клавиши и тотчас отдергивал руку, как будто издаваемый ими звук казался ему греховным. Однако пианино явно привлекало его: он долго стоял и смотрел на него, сжимая и разжимая пальцы.

Барт прошел к шкафу, где был приоткрыт освещенный бар. Он достал хрустальный графин и налил себе неразбавленного шотландского виски, без воды или льда. Проглотил все одним глотком и с виноватым видом посмотрел на меня:

– Они уже девять лет женаты, неужели не устали друг от друга? Что же это за чувство, которое захватило вас с Крисом, захватило Джори и которого нет у меня?

Я покраснела и опустила голову, проговорив в замешательстве:

– Не знала, что ты пьешь один.

– Ты многого не знаешь обо мне, дорогая мамочка. – Он проглотил вторую порцию виски (я услышала это, даже не глядя на него). – Даже Малькольм иногда пил.

– Ты все время сравниваешь себя с Малькольмом? – полюбопытствовала я.

Он рухнул в кресло и закинул ногу на ногу, лодыжкой на колено. Мой женский взгляд сразу заскользил по мягкой мебели и покрывалам. Ведь мой сын в минуту раздражения мог положить ноги в грязных ботинках на дорожную обивку или вконец испортить великолепное покрывало. Потом я перевела взгляд на его обувь. Подошвы были необыкновенно чистыми,

как будто ступали только по бархату. Как ему это удастся? Ведь в детстве он был таким грязнулей. Однако, став взрослым, приобрел любовь к чистоте.

– Что ты так рассматриваешь мою обувь, мам?

– Она очень красива.

– Тебе в самом деле так кажется? – Он с безразличием глянул на свои туфли. – Они стоят шестьсот баксов, и я доплатил еще сотню за обработку подошв, чтобы они не снашивались и не пачкались. Это теперь шик – обувь, у которой постоянно чистые подошвы.

Я нахмурилась. Разве в этом есть какой-то смысл?

– Но ведь верх туфель сносится раньше, чем подошвы.

– Ну и что?

В самом деле. Что сейчас значили для нас деньги? У нас их было больше, чем мы могли истратить.

– Когда сносится верх, я куплю себе другую пару, а эти выброшу.

– Тогда зачем обрабатывать подошвы?

– Ну перестань, мам, – сердито проговорил он. – Я просто люблю, чтобы вещи сохраняли свой вид, пока я их не выброшу... и люди тоже... Мне неприятно будет смотреть на Мелоди, когда она будет ходить с толстым животом, как корова.

– Я буду счастлива, когда у нее все будет заметно. Может быть, тогда ты перестанешь пялиться на нее.

Он зажег сигарету и спокойно посмотрел мне в глаза:

– Бьюсь об заклад, мне не составит труда отнять ее у Джори.

– Как ты смеешь говорить такое? – возмущенно воскликнула я.

– Она никогда не смотрит на меня, ты заметила? Я думаю, она просто не хочет признаться самой себе, что я лучше выгляжу сейчас, чем Джори, я выше его, изящнее, а главное, во сто крат богаче.

Мы смотрели друг другу в глаза. Я нервно сглотнула комок в горле и стряхнула с одежды невидимую пушинку.

– Завтра приедет Синди.

Он прикрыл глаза и крепче сжал ручки кресла, больше ничем не высказав своего отношения к этому известию.

– Я неодобрительно отношусь к этой девчонке, – сдержанно выговорил он.

– Я надеюсь, ты не будешь обижать ее, пока она здесь. Вспомни, с каким обожанием она к тебе относилась в детстве, буквально не отходила от тебя. Она очень любила тебя, пока ты сам не настроил ее против себя. Она и сейчас стала бы так же к тебе относиться, если бы ты не издевался над ней так безжалостно. Барт... неужели ты не сожалеешь о тех неприятностях, которые ты причинил ей, о тех грубых словах, которые ты говорил своей сестре?

– Она мне не сестра.

– Сестра, Барт, сестра!

– О господи, мама, я никогда не буду считать ее сестрой. Она приемный, она нам не родная. Я прочел несколько писем из тех, что она писала тебе. Разве ты не видишь, что она собой представляет? Или ты просто читаешь слова, не задумываясь над их смыслом? Как может девушка иметь столько поклонников и не быть при этом испорченной?

Я возмущенно вскочила.

– Почему ты так несправедлив к людям, Барт? – закричала я. – Ты не хочешь признавать Криса своим отцом, Синди – своей сестрой, Джори – своим братом. Или тебе никто не нужен, кроме тебя самого и этого отвратительного старика, который повсюду таскается за тобой?

– У меня есть ты, мама, ну по крайней мере частичка тебя, так ведь? У меня есть дядюшка Джоэл, очень интересный человек, который вот сейчас, наверно, молится за наши души.

Кровь прихлынула к моим щекам. Я вскипела гневом:

– Ты настоящий идиот, если предпочитаешь этого шаркающего старикашку тому человеку, который всегда был тебе настоящим отцом.

Я старалась сдерживать себя и не сумела. Мне редко удавалось держать себя в руках при спорах с Бартом.

– Неужели ты забыл, сколько хорошего сделал для тебя Крис? И делает до сих пор?

Барт наклонился ко мне, пронизывая меня холодным сверкающим взглядом:

– Но я предпочел бы быть счастливым без Криса. Если бы ты вышла замуж за моего настоящего отца, я был бы идеальным сыном! Более идеальным, чем Джори. Может быть, таким, как ты, мама. Может, всему на свете я теперь предпочитаю мечь.

– Почему тебе нужна мечь? Кому ты собираешься мстить? – Удивление и беспомощность звучали в моем голосе. – Никто не причинил тебе столько зла, сколько в свое время причинили мне.

Он резко наклонился вперед, как будто хотел укусить меня.

– Вы думаете, что, дав мне все необходимое – одежду, пищу, крышу над головой, – сделали достаточно для того, чтобы я чувствовал себя счастливым? Но ведь все не так, хотя вы и убедили себя в этом. Я знаю, что самое лучшее – свою любовь – вы берегли для Джори. Потом, когда появилась Синди, вы отдали ей вторую часть своей души. Вы ничего не оставили мне, кроме жалости, и за эту жалость я ненавижу вас!

Внезапная тошнота подступила к моему горлу, как при морской болезни. Хорошо, что я сидела в кресле.

– Барт, – начала я, стараясь не расплакаться и не показать, как мне плохо. – Возможно, когда-то я жалела тебя за твою неловкость, неуверенность в себе. Больше всего я жалела тебя за то, что с тобой вечно случались разные неприятности. Но разве я могу жалеть тебя сейчас? Ты красив, умен и можешь быть весьма обаятельным, когда захочешь. Почему же я должна жалеть тебя сейчас?

– Я как раз этого и не понимаю. Ты заставила меня посмотреть на себя со стороны, как в зеркало, понимаешь? И я пришел к заключению, что я тебе не нравлюсь. Ты мне не доверяешь и не веришь в меня. Вот прямо сейчас я читаю в твоих глазах, что ты не уверена, вполне ли я нормален.

Его глаза были полуприкрыты, но вдруг он широко распахнул их и пронизывающе заглянул в мои глаза: в них всегда было легко читать. Он коротко и зло рассмеялся:

– Вот оно, это подозрение, этот страх. Я ведь могу читать твои мысли, не сомневайся. Ты боишься, что когда-нибудь я выдам вашу тайну – твою и твоего брата. Да, у меня было достаточно шансов сделать это, но ведь я не сделал. Я ее храню. Почему бы тебе честно не сказать хотя бы сейчас, что ты вообще не любила второго мужа своей матери? Честно признайся, что ты использовала его лишь как орудие мести. Ты добивалась его, добилась, зачала меня, а потом он умер. Тогда ты решительно направилась в Южную Каролину, к тому бедному доктору, который тебе верил и любил тебя безоглядно. Понимал ли он, что ты вышла за него замуж только для того, чтобы он дал свою фамилию твоему незаконнорожденному сыну? Знал ли, что ты прибегла к нему как к спасению от Криса? Видишь, как много я размышлял над мотивировкой твоих поступков. А сейчас я пришел и к другому заключению: что-то от Криса ты находишь в Джори и поэтому любишь его! Глядя же на меня, ты видишь Малькольма. И хотя моя внешность и характер, скорее всего, унаследованы мною от моего настоящего отца, ты не замечаешь этого и пытаешься читать в моих глазах. А в моих гла-

зах, тебе кажется, живет душа Малькольма. А теперь докажи мне, что мои предположения неверны! Ну скажи же мне, что я все описал не так!

Мои губы раскрылись, чтобы опровергнуть каждое его слово, но я ничего не сказала.

Я была потрясена до глубины души, мне хотелось подбежать к нему, прижать его голову к своей груди – так я часто успокаивала Джори. Но я не могла заставить себя приблизиться к Барту. Я в самом деле боялась его. Он пугал меня своим неистовством, холодностью и жестокостью, а любовь моя от страха сменилась неприязнью.

Он ждал, что я заговорю, стану опровергать его обвинения, а я сделала самое худшее, что могла при таких обстоятельствах, – выбежала из комнаты.

В своей комнате я бросилась на постель и заплакала. Каждое его слово было правдой! Я не ожидала, что Барт может читать в моей душе, как в открытой книге. Меня ужасала мысль о том, что он в своей ненависти когда-нибудь разрушит жизнь не только мне и Крису, но и Синди, Джори и Мелоди.

Синди

На следующий день, около одиннадцати, приехала на такси Синди и ворвалась в дом, как свежий, бодрящий весенний ветер. Она бросилась в мои объятия, благоухая какими-то экзотическими духами, запах которых явно не соответствовал ее шестнадцатилетнему возрасту, но это мнение я решила оставить при себе.

– Ой, мама! – восклицала она, без конца целуя меня и сжимая в своих объятиях. – Как здорово, что мы снова вместе!

Эта лавина эмоций совсем захлестнула меня, у меня даже перехватило дыхание. Затем, как только мы вошли в дом, она принялась рассматривать все комнаты огромного дома, их обстановку и убранство. Ухвативши за руку, она тащила меня из комнаты в комнату, громко восклицая от восторга при виде такой красоты и богатства.

– А где папа? – наконец спросила она.

Я объяснила, что Крис уехал в Шарлотсвилл, чтобы поменять взятый им напрокат автомобиль на более роскошную модель.

– Дорогая, он надеялся, что вернется раньше, чем ты приедешь. Видно, что-то задержало его. Но не волнуйся, он будет с минуты на минуту и расцелует тебя.

И снова начались восклицания:

– Ну, мамочка! Что за дом! Ты мне не рассказывала, что он такой красивый! По твоим рассказам я поняла, что новый Фоксворт-холл такой же уродливый и жуткий, как и старый.

Для меня Фоксворт-холл всегда будет жутким и уродливым, однако возбуждение, ключом быющее из Синди, захватило и меня. Она была выше меня, юные груди были вполне развиты, тонкая талия плавно переходила в бедра очень красивой формы, живот был плоский, зато округлые ягодички восхитительно обтягивались джинсами. Когда я глядела на нее сбоку, она напоминала мне своей нежностью и хрупкостью едва распустившийся бутон, однако Синди была сильна и вынослива.

Ее густые и длинные золотистые волосы всегда были в нарочитом беспорядке. Они развевались по ветру, когда мы с ней пошли посмотреть, как сражаются Барт и Джори на новом теннисном корте.

– Черт возьми, мама, какие у тебя красивые сыновья! – прошептала она мне, разглядывая их бронзовые стройные тела. – Никогда бы не подумала, что этот безобразный грубиян Барт станет таким привлекательным мужчиной, не хуже Джори.

Я удивленно взглянула на нее. Барт-подросток был очень худым, с вечными ссадинами и синяками на ногах, его темные волосы всегда были растрепаны, но он был красивым мальчиком, во всяком случае безобразным его нельзя было назвать – безобразны были его поступки. А когда-то Синди прямо преклонялась перед Бартом. Как нож пронзило мое сердце воспоминание о ночном разговоре с Бартом, во многом он был прав. Я действительно относилась к Синди лучше, чем к нему. Мне казалось, что она идеальный ребенок и не способна ни на что дурное, и вот...

– Постарайся быть добрее и внимательнее по отношению к Барту, – прошептала я, заметив, что к нам направляется Джоэл.

– А кто этот забавный старикашка? – спросила она, обернувшись и наблюдая, как Джоэл, с трудом нагнувшись, выдергивает какие-то сорняки из клумбы. – Только не говори, что такую развалину Барт нанял работать садовником: ведь он такой скрюченный, что уже едва ли распрямится.

Не успела я ответить, как Джоэл оказался рядом, улыбаясь во весь рот, насколько позволяла его искусственная челюсть.

– Ну а вы, наверно, Синди, о которой мне Барт много рассказывал, – проговорил он, собрав все остатки бывшего шарма, и, взяв Синди за руку, приложился к ней тонкими искривленными губами.

Мне показалось, что Синди чуть не отдернула руку, почувствовав прикосновение его губ. Солнце просвечивало сквозь поседевшие волосы Джоэла, еще отливавшие фоксвортским золотом, и от этого они казались очень тонкими. Я вдруг вспомнила, что ничего не рассказала Синди о Джоэле, и поспешила представить его. Она была совершенно потрясена.

– Неужели вы знали этого злого старика, нашего прадедушку Малькольма? Вы действительно его сын? Так вы, наверно, очень старый?..

– Синди, это нетактично...

– Извините меня, дядюшка Джоэл. Когда я слушала рассказы мамы и папы об их юности, мне казалось, что это было миллион лет назад. – Она очаровательно рассмеялась и с извиняющейся улыбкой посмотрела на Джоэла. – Знаете, а вы чем-то похожи на папу. Когда он совсем состарится, то, наверно, будет выглядеть так же.

Джоэл перевел взгляд на Криса, который только что подъехал и вылезал из роскошного нового синего «кадиллака», держа в руках множество пакетов. Он заезжал за подарками, заказанными мной ко дню рождения Барта. Ради его дня рождения я превзошла себя, чтобы подобрать для него все самое лучшее. Кейс-дипломат из натуральной кожи с комбинированными замками – от Криса. Восемнадцатикаратовые золотые запонки с бриллиантами и инициалами Барта, а также под стать им золотой портсигар, тоже с бриллиантами и монограммой, ведь бриллианты Барт ценил выше всего, – от меня. У его отца был такой же портсигар, подаренный ему моей матерью. Сложив пакеты на садовую скамью, Крис широко раскинул руки, и Синди бросилась в его объятия. Она покрыла его лицо множеством коротких поцелуев, оставив на нем бесчисленные следы от губной помады. Украсив таким образом его лицо, она извинилась.

– Это будет самое лучшее лето в моей жизни. Папочка, а не могли бы мы остаться здесь до осени, пока не начнутся занятия в школе? Я хочу почувствовать, каково жить в настоящем дворце с такими великолепными комнатами и необыкновенными ваннами. Я уже видела одну комнату, в которой очень хотела бы жить: в ней все такое розовое и белое и множество различных позолоченных безделушек. Мне всегда нравилось все розовое, я люблю розовый цвет. И мне нравится этот дом! Я просто влюблена в него, просто влюблена!

Какая-то тень промелькнула во взгляде Криса, когда он выпустил ее из объятий и повернулся ко мне.

– Мы потом поговорим об этом, Синди. Ведь ты знаешь, что мы с мамой приехали сюда только для того, чтобы помочь Барту отметить его двадцатипятилетие.

Я взглянула на Барта, который только что нанес такой удар по теннисному мячу, что было даже странно, что тот остался цел. Метнувшись как белая молния, Джори отбил желтый мяч обратно Барту, который успел подскочить и снова ловко нанес мощный удар по мячу. Оба были потные и разгоряченные, лица их пылали от возбуждения и солнца.

– Джори, Барт! – позвала я. – Синди приехала. Подойдите поздоровайтесь.

Джори сейчас же с улыбкой обернулся к нам и из-за этого пропустил мяч, со свистом летевший в его сторону. Он не сумел отбить его, и Барт издал радостный крик, подпрыгнул и с возгласом «Я победил!» швырнул наземь дорогую ракетку.

– Ты победил, когда еще не вышло время игры, – заявил Джори, также бросая свою ракетку. Улыбаясь, он направился к нам, кинув на ходу Барту: – Такая победа не засчитывается!

– Засчитывается! – возразил Барт. – Какое имеет значение, приехала Синди или нет? Ты просто под этим предлогом прекратил игру. А мой счет выше твоего.

– Ну, пусть будет по-твоему, – ответил Джори.

В ту же секунду он подхватил Синди и закружил ее. Ее коротенькая синяя юбка взметнулась так высоко, что стали видны трусики-бикини. Меня удивляло, что у Синди всегда нижнее белье было того же цвета, что и верхняя одежда.

Мелоди поднялась с мраморной скамьи, на которой она сидела, наблюдая за игрой, – кусты закрывали ее. Я заметила, как она сжала губы, увидев столь эмоциональную встречу брата и сестры.

– Какова мать – такова и дочь, – пробормотал Барт позади меня.

Синди приблизилась к Барту осторожно, соблюдая все правила приличия, так что казалось, это совсем не та девушка, которая только что целовала Джори:

– Здравствуй, братец Барт. Ты замечательно выглядишь.

Барт смотрел на нее так, будто видел в первый раз. Два года назад, когда Синди было четырнадцать, она заплетала косу или делала конский хвост и стеснялась широко улыбаться, потому что на ее зубах были укреплены корректирующие скобы. Теперь ее сверкающие белые зубки были идеально ровными. Ее небрежно уложенные волосы ниспадали золотым водопадом. Она вовсе не походила на фотомоделю с обложки журнала – у тех и фигура лучше, и комплекция более совершенна, но, как я с неудовольствием понял, Синди знала, что она неотразима в своем облегающем сине-белом теннисном костюме.

Взгляд Барта задержался на ее полных, не стесненных бюстгальтером грудях, – когда она шла, они раскачивались, а соски заметно выступали под теннисной майкой. Потом он смерил глазами ее тонкую талию, которую можно было охватить пальцами рук, затем стал разглядывать ее бедра и таз. Взгляд его пробежал по длинным красивым ногам и остановился на белых сандалиях. Ногти на ее ногах были покрыты ярко-красным лаком того же тона, что и лак на ногтях рук, такого же яркого цвета была и губная помада.

Она была захватывающе хороша в своей юной свежести, прелести и невинности, но, стараясь подчеркнуть свою красоту и взрослость, только испортила все слишком яркими красками. А тот долгий взгляд, который она подарила Барту, я ни за что не смогла бы истолковать так, как его воспринял Барт.

– Ты не в моем вкусе, – презрительно проговорил он и отвернулся.

Затем, посмотрев на Мелоди долгим многозначительным взглядом, он снова повернулся к Синди:

– Ты просто дешевка, несмотря на то что богато одета. В тебе нет благородства.

Этот жестокий обдуманный удар был прямо-таки сокрушительным для девичьего самолюбия Синди. Все ее лучезарное настроение пропало. Как дождь питает нежный цветок, так восхищение окружающих поддерживало ее уверенность в себе. Она сникла прямо на глазах и, словно ища поддержки, снова прильнула к Крису.

– Извинись, Барт, – потребовал Крис.

Я съежилась, заранее зная, что Барт ни за что не извинится.

Барт презрительно скривил губы, требование Криса разозлило и возмутило его. Он готов был ответить Крису оскорблением, как уже неоднократно делал, но рядом была Мелоди, которая смотрела на него с неприязненным любопытством. Лицо Барта вспыхнуло.

– Я извинюсь, когда она научится одеваться и вести себя как леди.

– Извинись сейчас, Барт, – приказал Крис.

– Не предъявляй требований, Кристофер, – многозначительно, глядя в глаза Крису, сказал Барт. – У вас весьма шаткое положение: у тебя и у моей матери. Ты не Шеффилд и не Фоксворт, по крайней мере, тебе не хотелось бы, чтобы люди узнали, что ты Фоксворт. Так кто же ты в конечном счете? Мир полон врачей, их слишком много, более молодых и более знающих, чем ты...

Крис выпрямился:

– Мое невежество в медицине не раз спасало твою жизнь, Барт. А также жизнь многих других людей. Возможно, когда-нибудь ты осознаешь это. Ты ни разу не сказал мне спасибо за все, что я сделал для тебя. А я все жду.

Барт побледнел, скорее всего, не оттого, что ему только что высказал Крис, а потому, что при этом присутствовала Мелоди.

– Спасибо, дядя Крис, – с сарказмом произнес он.

Как издевательски-лицемерно прозвучали его слова!

Я молча наблюдала за этим поединком двух моих мужчин и заметила, как вздрогнул Крис, когда Барт сделал ударение на слове «дядя», потом зачем-то взглянула на Джоэла. Он придвинулся ближе и стоял почти за спиной Мелоди. На его лице светилась добрая, почти благодатная улыбка. Но что-то темное и недоброе мелькнуло в его глазах. Я придвинулась к Крису и встала рядом, с другой стороны от Криса встал Джори.

Я уже готова была начать длинный перечень того, за что Барт должен был бы благодарить Криса, но тут Барт отвернулся от нас и обратился к Мелоди:

– Я тебе рассказывал о программе моего праздника? О танце, который я выбрал для вас с Джори? Это будет сенсацией.

Мелоди выпрямилась и с презрением посмотрела в глаза Барту:

– Я не собираюсь танцевать для твоих гостей. Я думаю, что Джори достаточно доходчиво объяснил тебе, что я хочу все предусмотреть, чтобы ребенок родился здоровым, и в мои намерения не входит танцевать для твоего удовольствия и для развлечения людей, которых я даже не знаю.

Ее голос звучал холодно, и неприязнь к Барту светилась в ее темно-голубых глазах.

Она ушла, взяв под руку Джори, мы все последовали за ними. В самом конце тащился Джоэл, как хвост, который не знал, кому вилять.

Быстро забыв о неприятностях, поскольку она всегда недолго помнила обо всех обидах, причиненных ей Бартом, Синди радостно болтала об ожидаемом ребенке, который должен был принести ей титул тети.

– Как это замечательно! Я прямо не дожусь этого дня! Это будет прелестное дитя, ведь у него такие красивые родители, как Джори и Мелоди, и такие красивые дед с бабушкой!

Присутствие милой Синди сглаживало неприятное впечатление от выходок Барта. Я увела ее к себе, и, уютно прижавшись ко мне в широком кресле, она начала рассказывать о своей жизни. Я жадно слушала, очарованная своей дочерью, которой выпало счастье испытать все девичьи радости и волнения, каких были лишены мы с сестрой Кэрри.

* * *

Каждое утро мы с Крисом поднимались рано и выходили, чтобы полюбоваться красотой прохладного утра, подышать горным воздухом и насладиться ароматом роз и других цветов. Ярко-красные птицы-кардиналы летали повсюду, как языки пламени, сойки пронзительно кричали, ласточки и другие мелкие птицы ловили в траве насекомых. Меня поражало бесчисленное количество гнезд и птичьих домиков, устроенных повсюду для крапивников, ласточек и других птах, для них же в разных местах были расставлены ванночки для питья или купания, для этих же целей были приспособлены ямки в камнях, и птицы, порхая, иногда прямо на лету ныряли в эти ванночки и весело взмывали вверх. Мы завтракали то на одной террасе, то на другой, чтобы любоваться разными пейзажами, восхищались тем, что видели, и сожалели о том, что были лишены такой возможности в юности, когда все впечатления острее. Горько, очень горько было вспоминать, как наши маленькие близнецы плакали и просились погулять, но единственной площадкой для игр у них был «сад», устроенный нами на чердаке из бумажных цветов и картона. И все это происходило здесь, и весь этот

прекрасный мир существовал, но не для них, а два пятилетних малыша были бы на седьмом небе, если бы им хоть немножко дали полюбоваться тем, чем мы теперь наслаждаемся ежедневно.

Синди любила вставать поздно, как и Джори, особенно поздно вставала Мелоди, которая часто жаловалась на тошноту и усталость. В семь тридцать утра мы с Крисом видели, как подъезжали рабочие и декораторы. Поставщики провизии доставляли продукты для праздника, дизайнеры приезжали, чтобы закончить меблировку и дополнить интерьер некоторых комнат. Однако никто из соседей не навещал нас. Личный телефон Барта звонил довольно часто, но другие телефоны, как правило, молчали. Мы как будто находились на вершине мира и были недостижимы для всех; с одной стороны, это было неплохо, с другой – немного пугало.

В отдалении, неясно, сквозь дымку, мы видели шпили двух церквей. В тихие безветренные ночи до нас слабо доносился звон колоколов, отбивающих время. Я знала, что одной из них покровительствовал при жизни Малькольм, а в миле отсюда находилось кладбище, где рядом покоились он и наша бабушка, над их могилами моей матерью были установлены красивые надгробия с ангелами.

Я проводила дни, играя в теннис с Крисом, Джори, а иногда с Бартом, и тогда мне казалось, что он действительно любит меня.

– Ты удивляешь меня, мама! – кричал он через сетку, ударяя так сильно по желтому мячу, что тот, казалось, порвет мою ракетку.

Каким-то чудом мне иногда удавалось отбить этот мяч, но тогда возникала старая боль в моем когда-то поврежденном колене, и я останавливалась. Барт считал, что мое колено только предлог, чтобы прекратить игру.

– Ты находишь любую причину, чтобы только поскорее отделаться от меня! – кричал он, как будто не знал о предупреждении Криса: «Никогда не перенапрягай свое колено, а то будешь хромать».

Я хромала, когда поднималась по лестнице, но Барта обычно рядом не было, поэтому он не знал об этом. Чтобы унять боль, я наливала в ванну теплой воды и почти час сидела в ней, разминая свое колено. Но Крис каждый раз говорил, что я делаю неправильно: «Лед, только лед, Кэтрин! Колено может воспалиться от горячей воды!» Он заставлял меня вылезти из ванны, приносил пузырь с колотым льдом и на двадцать минут клал мне его на колено. Он целовал меня, извиняясь за свой окрик, и шел на теннисный корт, прихватив с собой Джори, а Барт уходил с корта, волоча за собой на невидимом канате Джоэла. Все это я наблюдала с балкона своей спальни, сидя со льдом на колене. Скоро холод оказывал воздействие и снимал пульсирующую боль.

Я начала готовить приданое для будущего малыша. Мне понадобились нитки, иголки, вязальные спицы и крючки, надо было поехать по магазинам. Посещала я и детские магазины с восхитительными вещичками для новорожденных. Мы часто ездили в Шарлотсвилл с Синди и Крисом, а дважды предприняли более длительное путешествие – в Ричмонд, где прошли по магазинам, сходили в кино и остались на ночь. Иногда с нами ездили Джори и Мелоди, но не так часто, как мне хотелось бы. Красотами Фоксворт-холла все мы успели пресытиться. Вернее сказать, пресытилась я да, пожалуй, Джори с Мелоди. А вот Синди все еще была в восторге от своей комнаты, от прекрасной французской мебели, от ванной комнаты, такой, о которой только может мечтать каждая женщина: кругом все розовое, и этот цвет только подчеркивался легким декором из золота и бледной зелени. Обхватив себя за талию, она кружилась в радостном танце.

– Итак, он не любит меня, – смеялась она, заглядывая в бесчисленные зеркала. – И все-таки отделал мою комнату и ванную так, как хотела бы я. Ох, мама, сможем ли мы когда-нибудь понять Барта?

А смог бы кто-нибудь ответить на этот вопрос?

Приготовления к празднику

По мере приближения двадцатипятилетия Барта Фоксворт-холл все больше и больше охватывало какое-то лихорадочное безумие. Разные декораторы и художники приходили измерять наши газоны, патио и террасы. Они собирались группами, шептались, делали какие-то чертежи, наброски, подбирали цвета для скатертей, толпами врываются в кабинет к Барту, обсуждали программу вечера, тему танцевального выступления и строили какие-то секретные планы. Барт пока еще отказывался назвать тему вечера, по крайней мере нам, членам семьи. Секреты обычно трудно бывает удержать, но Барту это удавалось. Мы все составляли сплоченную семью, но Барт держался особняком.

Рабочие натащили гору строительного материала, досок и красок и начали сооружать нечто вроде сцены и платформы для оркестра. Я слышала, как Барт хвалился кому-то из окружающих, что пригласил для выступления выдающихся оперных певцов.

Когда я выходила куда-нибудь, то старалась как можно больше находиться вне дома, в саду или в лесу: я смотрела на горы, окутанные голубой дымкой, и думала, помнят ли они чердачных мышей, обреченных быть в заключении почти четыре года. И еще я думала, смогут ли они еще какую-нибудь обычную девочку превратить в пылкую мечтательницу, имеющую к тому же твердое намерение сделать свои мечты реальностью. И многие мечты мне удалось осуществить, хотя во многом меня постигла неудача – так, один за другим умирали мои мужья... Слезы выступили на моих глазах, подняв голову, я встретила любящий взгляд Криса и почувствовала, как на меня нахлынула старая знакомая печаль. Может быть, с Бартом было бы все в порядке, если бы Крис не любил меня, а я не любила Криса?

Можно винить свою звезду или поворот судьбы, но я во всем продолжаю винить мою мать.

Несмотря на тревожные ожидания того, что нас ждет впереди, я невольно чувствовала себя более счастливой, чем некоторое время назад. Меня очень интересовала вся эта суета в саду, в процессе которой начало оформляться что-то, уже виденное мною в кино. Я с изумлением поняла, что задумал Барт.

Декорации явно были сделаны на библейский сюжет!

– Самсон и Далила, – вяло сказал Барт, когда я стала его спрашивать. Его энтузиазм угас, так как Мелоди решительно отказалась танцевать. – Я неоднократно слышал от Джори, что ему очень нравится выступать в спектаклях, которые он сам ставит, а эта роль у него самая любимая.

Круто повернувшись и ничего не сказав, Мелоди направилась к дому, она рассердилась.

Конечно, мне следовало бы догадаться! Какая еще тема могла бы захватить Барта?

Синди, подбежав, обхватила руками Джори:

– Джори, разреши мне станцевать Далилу! Я смогу, я уверена, что смогу!

– Мне не нужны твои дилетантские попытки! – отрезал Барт.

Не обращая на него внимания, Синди умоляюще сжала обе руки Джори.

– Джори, ну пожалуйста! Ну я тебя прошу! Мне нравится эта роль. Я ведь продолжала заниматься в балетной школе, поэтому не покажусь неуклюжей и неловкой, тебе не будет стыдно танцевать со мной. К тому же до представления у нас еще есть время, и ты поможешь мне добиться синхронности в движениях. Я буду репетировать утром, днем и вечером.

– Времени как раз остается очень мало, ведь до представления всего два дня, – недоброжелательно сказал Джори и сердито взглянул на Барта. – Ради бога, Барт, ну почему ты мне не сказал заранее? Неужели ты думаешь, что, раз я сам ставил хореографию этого очень специ-

фического балета, я помню все трудные моменты в его исполнении? Для такой роли нужно несколько недель репетиций, а ты ждал до последнего момента! Ну почему?

– Синди лжет, – сказал Барт, устремив страстный взгляд на дверь, за которой только что исчезла Мелоди. – Она ленилась раньше заниматься в балетной школе, с чего вдруг ей вздумалось это делать, когда рядом не было матери, которая вечно понукала ее?

– Я занималась, занималась! – с гордостью и волнением кричала Синди, хотя я знала, как она ненавидела регулярные интенсивные занятия.

До шести лет ей очень нравились красивые балетные пачки, прелестные атласные туфельки, маленькие блестящие тиары со сверкающими фальшивыми бриллиантами. Фантазия сказочных спектаклей очаровывала ее, мне казалось, что она никогда не сможет жить без этого. Но Барт слишком часто высмеивал ее выступления, и в конце концов она разуверилась в собственных способностях. К двенадцати годам своими насмешками он совершенно отбил у нее желание заниматься балетом. И она перестала ходить в балетную школу. Поэтому я была удивлена вдвойне: во-первых, тем, что она, оказывается, не прекращала заниматься танцами, во-вторых, тем, что решила выступить перед Бартом.

Она повернулась ко мне с умоляющим видом:

– Я правду говорю! Сначала я поступила в частную школу для девочек, и, поскольку Барта рядом не было и некому было меня высмеивать, я снова начала танцевать, а потом возобновила занятия в моей прежней балетной школе, и теперь я неплохо подготовлена.

– Ну хорошо, – сказал Джори, еще раз сердито взглянув на Барта, но уже смирившись. – Будем использовать то время, которым располагаем, но с твоей стороны, Барт, было явно опрометчиво думать, что роль можно так быстро подготовить; повторяю, что для этого нужно несколько недель. Мне будет не так уж трудно, потому что роль мне знакома, а вот Синди – ведь она даже ни разу не видела этот весьма необычный балет.

Грубо прервав его, Барт возбужденно спросил:

– А есть у тебя линзы, белые линзы? И сможешь ты глядеть сквозь них? Я видел вас с Мелоди в прошлом году в Нью-Йорке, и уже от оркестровой ямы ты в них выглядел совсем слепым!

Нахмурившись от неожиданного вопроса, Джори недоумевающе посмотрел на Барта.

– Да... У меня с собой эти контактные линзы... – медленно проговорил он. – Где бы я ни оказался на гастролях, обязательно кто-нибудь попросит исполнить роль Самсона, поэтому я вожу эти линзы с собой. А я и не знал, что ты такой ценитель балета.

Барт рассмеялся и дружески хлопнул Джори по спине, как будто они и не спорили никогда. Джори даже покачнулся от силы его удара.

– Балеты в большинстве своем глупы и скучны, но этот пришелся мне по душе. Самсон – великий герой, и я восхищаюсь им. А ты, братишка, необыкновенно исполняешь эту роль. Ты кажешься таким могучим... Пожалуй, это единственный балет, который меня по настоящему взволновал.

Я не прислушивалась к словам Барта. Я смотрела на Джоэла, который, согнувшись, стоял неподалеку. Мускулы возле его рта спазматически дергались, как будто он собирался улыбнуться или засмеяться. Внезапно я почувствовала, что не хочу, чтобы Джори и Синди танцевали в этом специфическом балете, в котором так много жестоких сцен. Это идея Барта... Разве не он утверждал, что опера – это только музыка, а вот балет, по его мнению, дает более чувственное восприятие?

Всю ночь я думала, как уговорить Барта отказаться от постановки этого спектакля.

Его и ребенком было нелегко остановить. А теперь, когда он стал мужчиной... Наверно, ничего не выйдет. Но попытаться стоило.

На следующее утро я рано встала и выбежала во двор, чтобы перехватить Барта, прежде чем он уедет. Он выслушал меня с неудовольствием и отказался изменить программу вечера.

– Я уже не могу это сделать, даже если бы захотел. Я заказал театральные костюмы, декорации и весь реквизит. Если я что-то отменю, то сейчас слишком поздно планировать другой балет. Кроме того, ведь Джори не возражает, чего же ты беспокоишься?

Как ему объяснить, что какой-то слабый интуитивный голос предостерегает меня ставить именно этот балет рядом с местом нашего заточения и рядом с могилами Малькольма и его жены – такая музыка не должна достигнуть их мертвых ушей.

Джори и Синди тренировались и репетировали день и ночь; оба были охвачены волнением от совместной работы, и Джори находил, что Синди вполне справляется. Она, конечно, была не такой хорошей балериной, как Мелоди, но танцевала более чем удовлетворительно. Ее волосы были подняты и уложены в классическом балетном стиле, и это очень шло ей.

* * *

Утро праздника было ясным и чистым, предвещая замечательный летний день без туч и дождя.

Мы с Крисом встали рано и отправились побродить по саду перед завтраком. Волнующий аромат роз также, казалось, предвещал прекрасный, радостный праздник – день рождения Барта. Ему всегда хотелось собрать гостей на свой день рождения, как это делали Джори и Синди. Но когда гости собирались, он как-то ухитрялся перессориться со всеми своими гостями, поэтому они рано уезжали, да к тому же обиженные.

Теперь он взрослый, твердила я себе, и все будет иначе. Это же самое сказал мне и Крис – между нами существовала какая-то телепатия, мы думали об одном и том же.

– Сегодня он вступает в свои права, он совершеннолетний, – сказала я. – Не странно ли, что он до сих пор так по-детски экспрессивен, Крис? А поверенные будут читать завещание сегодня, после праздничного вечера?

Весело улыбаясь, Крис покачал головой:

– Нет, дорогая, мы все будем страшно усталыми. Завещание будут читать на следующий день.

Его веселье вдруг сменилось озабоченностью:

– Не помню, но, кажется, в этом завещании нет ничего такого, что могло бы испортить Барту праздник. А ты как думаешь?

Я тоже ничего такого не вспомнила. Но ведь когда впервые зачитывалась воля моей матери, сразу после ее смерти, я была потрясена всем случившимся, меня душили слезы, я почти ничего не слышала, и мне было почти безразлично, кому достанется наследство Фоксворта, думалось, что все само собой образуется.

– Там есть что-то, о чем мне поверенные Барта не стали рассказывать, Кэти... Какие-то оговорки, которые я не очень запомнил во время первого прочтения завещания вскоре после смерти нашей матери. Теперь они не хотят мне этого говорить, поскольку Барт потребовал, чтобы я не участвовал ни в каких обсуждениях наследственных вопросов. Они во всем его слушаются, как будто он их чем-то застрашал. Мне странно, что уже немолодые люди с жизненным опытом уступают перед его натиском. Похоже, они очень хотят заслужить его расположение, а на меня, его опекуна, им наплевать. Мне очень досадно, спрашивается, какого черта я хлопотал? Ладно, скоро мы отсюда уедем, купим себе новый дом, а Барт пусть получает свое наследство и сам с ним управляется.

Я обняла его, так обиженного тем, что Барт отказал ему в доверии, которое он вполне заслужил, управляя много лет этим огромным наследством и стараясь преувеличить его. Все эти дела отнимали у него массу времени в ущерб его медицине.

– Сколько миллионов он получит? – спросила я. – Двадцать, пятьдесят или больше? Миллиард, два, три? Больше?

Крис рассмеялся:

– Ох, Кэтрин, вот ты-то никогда не станешь взрослой. У тебя нет чувства меры. Честно говоря, трудно определить точный объем всех вложений и стоимость всех акций, так как капитал размещался по разным банкам и вкладывался в разные предприятия. Однако он должен быть доволен, когда поверенные назовут даже приблизительную сумму... Этого более чем достаточно по крайней мере для десяти весьма расточительных молодых людей.

В холле, через который мы проходили, Джори репетировал с Синди, оба были разгоряченные и потные. Другие танцоры, также занятые в балете, стояли вокруг: кто-то наблюдал за репетицией, кто-то разглядывал богатую обстановку сказочного дворца. Синди работала исключительно хорошо, и это очень удивляло меня. Только вообразите, продолжать занятия в балетной школе и не сказать об этом мне! Для оплаты занятий она, должно быть, использовала те деньги, которые ей выдавались на одежду, косметику и прочие обычные женские потребности.

Одна из старших танцовщиц прошла через зал ко мне и, улыбаясь, рассказала, что несколько раз видела, как я танцевала в Нью-Йорке.

– А ваш сын очень похож на своего отца, – добавила она, взглянув на Джори, который в это время кружился с такой страстью, что было непонятно, откуда у него столько энергии и хватит ли ее для вечернего представления. – Может, мне не следовало бы это говорить, но он в десять раз лучше своего отца. Мне было лет двенадцать, когда я увидела вас с Джулианом Марке в «Спящей красавице», и это произвело на меня такое впечатление, что я решила стать балериной. Спасибо вам, что вы подарили миру такого великолепного танцора, как Джори Марке.

Ее слова наполнили меня счастьем и гордостью. Значит, мой брак с Джулианом не был неудачным, если в результате его на свет появился Джори. Хотелось бы, чтобы сын Бартоломео Уинслоу заставил меня испытать такую же радость и гордость за него.

Когда репетиция окончилась, Синди, тяжело дыша, подошла ко мне.

– Мама, как у меня получается, нормально? – Повернув ко мне разгоряченное лицо, она ждала одобрения.

– Ты все делаешь великолепно, Синди, честное слово. Если ты запомнила музыку, то четко соблюдай синхронность, ты ведь первый раз выступаешь в таком замечательном спектакле.

Она улыбнулась:

– Ох, мама, не можешь ты не учить! Я знаю, конечно, что у меня получается не совсем так, как тебе хотелось бы, но я выложусь вся в этом представлении. И если даже у меня не все получится, то не потому, что я не старалась.

Джори окружили восхищенные зрители, а Мелоди тихо сидела рядом с Бартом в сдвоенном кресле. Они не беседовали и, кажется, вообще не обращали внимания друг на друга. Однако видеть их рядом в этом кресле, предназначенном для двоих, мне почему-то было неприятно. Ведя за собой Крису, я подошла к креслу, на котором сидела эта пара.

– Поздравляю с днем рождения, Барт, – весело сказала я.

Он поднял голову и радостно улыбнулся:

– Ведь я говорил вам, что день будет замечательный: много солнца и никакого дождя.

– Да, ты так и говорил.

– А можно нам всем что-нибудь поесть сейчас? – спросил он, вставая и подавая руку Мелоди.

Но она сделала вид, что не заметила протянутой руки, и встала с кресла без его помощи.

– Я очень проголодался, – продолжал Барт, слегка обескураженный ее отказом. – Эти легкие европейские завтраки не для меня.

Веселой компанией мы уселись за стол, все, кроме Джоэла, который сел за свой маленький столик на террасе, отдельно от остальных. По его словам, мы слишком шумно себя ведем за столом и много едим, что не соответствует его монашеским привычкам: за трапезой надо быть серьезным и долго молиться до еды и после. Даже Барта иногда сердили эти благочестивые привычки, сегодня же был особый день, и Барт не выдержал:

– Дядюшка Джоэл, вы что, собираетесь все время сидеть в одиночестве? Идите сюда, съядьте с нами и пожелайте мне счастья в день рождения.

– Бог осуждает выставление напоказ богатства и презирает всяческую суету. Я неодобрительно отношусь к сегодняшнему балу. Ты мог бы возблагодарить Господа за то, что Он даровал тебе жизнь, каким-то другим, более достойным способом, например пожертвованием или благотворительностью.

– А что мне даст эта благотворительность? Это мой праздник, дядюшка. И если даже мой дорогой прадед Малькольм перевернется в гробу, сегодня ночью я развлекаюсь как хочу.

В восторге от такого ответа, я наклонилась и поцеловала его:

– Я рада видеть тебя таким, Барт. Это действительно твой день... А какие мы приготовили тебе подарки – ты прямо глаза вытаращишь!

– Наверно, – сказал он со смехом. – Я вижу, какой грудой они нагромождены там на столе. Мы их откроем, когда придут гости, перед тем, как начнется представление.

Сидящий напротив меня Джори озабоченно посмотрел в глаза Мелоди:

– Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая?

– Да, – прошептала она. – Только мне очень бы хотелось самой исполнить роль Далилы. Так странно видеть, что ты танцуешь с другой.

– Когда родится ребенок, мы снова будем танцевать вместе, – сказал он и поцеловал ее. Она с обожанием смотрела ему вслед, когда он снова пошел репетировать с Синди.

А с лица Барта разом пропало счастливое выражение.

Без конца приходили доставщики с подарками для Барта. Прибыло много его одноклассников из Гарварда с женами или подругами. Те, кто не смог приехать, прислали подарки. Барт входил и выходил, иногда даже пробегал, стараясь встретиться со всеми и успеть повсюду. Дюжинами подносились букеты цветов. Доставщики продуктов заполнили кухню, так что я почувствовала там себя нежелательным гостем, когда зашла, чтобы приготовить себе какую-нибудь закуску на полдник. Потом Барт подхватил меня под руку и провел по всем комнатам, которые были буквально наводнены цветами.

– Как ты думаешь, на моих друзей все это произведет впечатление? – с беспокойством спросил он. – Знаешь, я, честно говоря, здорово хвалился этим домом перед своими одноклассниками. Они ожидают увидеть нечто из ряда вон выходящее.

Я еще раз огляделась вокруг. В доме, готовом к празднику, всегда красиво, есть на что полюбоваться. А ожидающий бала Фоксворт-холл был просто потрясающим, масса свежих цветов оживляла его, привносила в обстановку тепло и очарование. Хрусталь сверкал, серебро мерцало, медь сияла... О да, этот дом мог поспорить с лучшими дворцами.

– Дорогой, перестань волноваться. Лучше и быть не может. Дом великолепен, твои декораторы все сделали изумительно. Не сомневайся ни на секунду, друзья твои будут потрясены. Смотрители хорошо следили за домом все эти годы, и то, что здесь никто не жил, только пошло на пользу парку, всем газонам и лужайкам – все кустарники и цветы хорошо укоренились, трава загустела.

Но он уже не слушал меня и смотрел куда-то поверх моей головы, слегка нахмурясь.

– Знаешь, мама, – тихо сказал он. – Я еще некоторое время пошумлю здесь, когда уедешь ты с твоим братом, а также Мелоди и Джори. Очень хорошо, что объявился дядюшка Джоэл, он и останется здесь жить до самой смерти.

Я слушала его со стесненным сердцем. Имя Синди не было упомянуто, он ее отбросил, как всегда.

– Неужели ты действительно так любишь Джоэла? Сегодня утром мне показалось, что он раздражает тебя своими монашескими привычками.

Его темные глаза посуровели, лицо помрачнело.

– Мой дядюшка помог мне найти себя, мама, и если иногда я раздраженно разговариваю с ним, то только потому, что у меня нет четкого представления о своем будущем. Он не может изменить свои привычки, приобретенные им за годы жизни в монастыре, где монахам не разрешалось громко разговаривать, а можно было только читать молитвы вслух и петь на богослужениях. Он немного рассказывал мне об этой жизни, мне кажется, там очень тоскливо и мрачно... Но он говорит, что нашел там мир для души, поверил в Бога и вечную жизнь.

Моя рука, обнимавшая его за талию, бессильно упала. Ему стоило обратиться к Крису, и он нашел бы то, что искал: душевный покой, надежду и веру – эти добродетели Крис пронес через всю свою жизнь. Но Барт, как слепой, не желал видеть доброту человека, который изо всех сил старался сделать его своим сыном. Как проклятие висело над Крисом наше с ним родство, и Барт не желал ничего видеть, кроме этого.

Расстроенная, я ушла от Барта, поднялась по лестнице и увидела на балконе Крису, который наблюдал за рабочими во дворе. Я подошла к нему и встала рядом, чувствуя, как горячие солнечные лучи скользят по моей голове. Молча мы наблюдали за торопливой суматохой внизу, и я мысленно поблагодарила этот дом за то, что хотя бы напоследок он подарил нам радостные веселые мгновения. Раньше с ним были связаны одни страдания.

* * *

Мы вздремнули пару часов, потом немного поели и снова разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться для бала. Я опять устроилась на балконе, который доставлял нам с Крисом большое удовольствие. Внизу подо мной простиралась волшебная праздничная страна. Уходящий день раскрасил небеса в темно-розовый и фиолетовый цвет с прослойками ярко-красного и оранжевого, и на фоне этих красок полусонные птицы пролетали, как черные слезы, стремясь к своим гнездам. Кардиналы издавали короткие звонкие крики, похожие не на щебет или свист, а скорее на металлический звон. Когда Крис встал рядом со мной, влажный и свежий после душа, мы ни о чем не говорили, разговоры нам были не нужны, мы просто обнялись и молча смотрели вниз, потом вернулись в комнату.

Барт, дитя моей мести, становится самостоятельным человеком. Сбывались мои надежды – вот и пришел так давно ожидаемый нами праздник. Этот вечер добавит ему уверенности в себе, он убедится, что у него много друзей и что он им нужен. Я гнала прочь свои страхи и убеждала себя вновь и вновь, что все у Барта будет хорошо, да и у нас всех тоже.

Может быть, завещание, которое зачитают завтра, полностью удовлетворит Барта. Может быть... может быть... Я желала ему всегда самого наилучшего, молила судьбу возместить нам хоть отчасти все наши обиды и потери.

За моей спиной в туалетной комнате возился Крис, надевал брюки, заправлял в них рубашку, завязывал галстук, потом попросил меня завязать его по-другому:

– Сделай так, чтобы концы были одинаковой длины.

Я охотно помогла ему. Он уложил свои красивые белокурые волосы, которые с затылка стали немного темнее, чем были в его сорок лет. Каждое десятилетие волосы становились более темными и больше серебра появлялось на наших висках. Я восстанавливала цвет волос краской, но Крис отказывался это делать. Красивые волосы придавали мне уверенности в себе. Мое лицо все еще было миловидным. Для своего возраста я выглядела очень молодо.

В зеркале на моем туалетном столике отражался Крис.

Вот он приблизился и обнял меня за плечи. Его руки, такие любимые руки, знакомым движением скользнули мне под лиф и обхватили груди, потом он прижался губами к моей шее.

– Я люблю тебя. Бог знает, что бы я стал делать без тебя.

Почему он всегда это говорит? Как будто боится, что я сбегу от него или умру раньше его.

– Продолжал бы жить, дорогой, вот и все. Ты, врач, более важен для общества, чем я.

– Только ты придаешь мне силы, – хрипло прошептал он. – Без тебя я не смогу жить и работать. А ты без меня сможешь жить, может быть, снова выйдешь замуж.

Я увидела его глаза, милые голубые глаза, полные ожидания.

– У меня было три мужа и один любовник, и этого вполне достаточно для женщины. Если мне так не повезет и ты уйдешь первым, я буду день за днем сидеть у окна, смотреть вдаль и вспоминать, как мы с тобой жили.

Его взгляд смягчился, встретившись с моим, а я продолжала:

– Ты так красив, Крис! Твои сыновья могут тебе позавидовать.

– Красив? По-моему, этот эпитет более применим к женщинам.

– Нет, есть разница между привлекательностью и красотой. Мужчина может быть очень привлекательным, но не излучать внутреннюю красоту, а ты ею обладаешь. Ты, мой любимый, прекрасен и лицом, и душой.

Его голубые глаза засветились.

– Благодарю. И разреши тебе сказать, что я считаю тебя прекрасной – в десять раз прекраснее, чем ты оценила меня.

– Мои сыновья будут завидовать тебе, мой родной Кристофер, когда до них дойдет, как ты красив.

– Разумеется, – ответил он с кривой улыбочкой. – Твои сыновья найдут в чем мне позавидовать.

– Крис, но ты ведь знаешь, что Джори любит тебя. Когда-нибудь и Барт поймет, что любит тебя.

– Когда-нибудь мой корабль уплывет, – тихо пропел он.

– Это и его корабль тоже, Крис. Барт наконец стал самостоятельным, завтра он вступает в свои права. Он сам будет управлять своим состоянием, выйдет из-под твоего контроля, успокоится, придет в себя и обратится за советом или помощью к тебе как к отцу, ведь ты был для него лучшим отцом.

Он задумчиво улыбнулся, легкая печаль сквозила в его улыбке.

– Честно говоря, дорогая, я буду счастлив, когда Барт получит свое наследство, а я выйду из игры. Не очень-то легко управлять всем этим состоянием, хотя я и нанял себе помощника. Как опекун, я старался приумножить состояние Барта, а скорее всего, я хотел доказать ему, да и себе, что я могу быть не только врачом, ведь этого Барту всегда казалось недостаточно.

Что я могла ему сказать? Все старания Криса не изменили отношения Барта к нему. Потому что существовало кое-что, чего Крис не мог изменить: он был моим братом. Поэтому Барт ни за что не хотел считать его отцом.

– Тебе не нравится, что я так говорю, дорогая, поэтому ты хмуришься?

– Вовсе нет, – ответила я и встала.

Белый шелк моего красивого платья, сшитого в греческом стиле, прилегал к коже, шелестел и приятно щекотал ее. Один крупный длинный локон спадал мне на плечо, остальные волосы были уложены в высокую прическу и удерживались бриллиантовой заколкой, единственным украшением, которое было на мне, не считая обручального кольца.

Посредине нашей спальни мы сошлись и взялись за руки, каждый из нас крепко держал единственную ценность, которую мы сохранили: друг друга. Казалось, в доме все замерло. Мы стояли одни перед вечностью.

– Ну, говори, – попросил Крис после долгого молчания. – Я ведь все равно всегда догадываюсь, если ты чем-то озабочена.

– Я просто очень хочу, чтобы изменились отношения между тобой и Бартом, вот и все, – экспромтом произнесла я, не желая портить этот вечер подробными объяснениями.

– У меня сложились близкие родственные отношения с Джори и Синди, и это отчасти компенсирует мне антагонизм Барта. Более того, я искренне уверен, что у Барта нет ненависти ко мне. Временами я чувствую, что он хочет протянуть мне руку, но его удерживает чувство стыда за наше кровное родство с тобой, он считает это позором, такое предубеждение сдерживает его душевные порывы крепче стальных цепей. Он ищет советчика, но ему стыдно обратиться ко мне. Ему нужен отец, настоящий отец. Ведь его психиатры тоже всегда говорили нам об этом. Он смотрит на меня, считает меня недостойным... и ищет кого-то другого. Первым был Малькольм, его прадедушка, уже давно умерший. Затем был Джон Эймос, но тот обманул его ожидания. Теперь появился Джоэл, но Барта пугает, что и в нем обнаружится какой-то изъян. Да, я могу сказать, что он не очень доверяет своему дядюшке. И поэтому Барт не чувствует себя уверенно, он не защищен, Кэти. У нас есть еще время протянуть друг другу руки, пока мы живы и жив он.

– Да-да! Я знаю! Пока мы живы, мы должны надеяться. Повторяй это вновь и вновь. И когда-нибудь Барт скажет тебе: «Я люблю тебя! Ты всегда поступал правильно. Да, ты тот самый отец, которого я искал всю жизнь». Разве это не замечательно?

Он склонился к моим волосам:

– Не сетуй так горько. Этот день придет, Кэти. Будь уверена, если ты и я любим друг друга... и троих наших детей, то этот день придет.

Да, я готова была сделать все возможное, чтобы наступил такой день, когда Барт скажет искренние слова любви своему отцу. Я хочу дожить не только до того дня, когда Барт признает Криса своим отцом, полюбит его и отблагодарит за все, что тот для него сделал, я хочу дождаться, когда он станет настоящим братом для Джори... и для Синди.

Несколько минут спустя мы сошли по лестнице в зал и подошли к Джори и Мелоди, которые стояли внизу у перил. Мелоди была в простом черном платье, перехваченном черным ремешком, широкая юбка ниспадала свободными складками. Единственным украшением была нитка тускло мерцающего жемчуга.

Высокие каблуки моих серебряных туфель застучали по мрамору, и, вероятно услышав этот звук, появился Барт в отлично сшитом на заказ смокинге. У меня перехватило дыхание – так он походил на своего отца, когда я увидела его впервые. Его усы, неделю назад выглядевшие как легкий пушок, подросли, стали гуще. Он был весел и от этого еще более красив. Его темные глаза засветились от восхищения, когда он увидел мое платье, прическу, почувствовал запах моих духов.

– Мама! – воскликнул он. – Ты выглядишь потрясающе! Это чудесное белое платье ты купила специально для моего бала?

– Конечно, – ответила я, смеясь. – Не могла же я надеть какое-нибудь старье в день твоего праздника.

Мы все расточали друг другу комплименты, только Барт ничего не сказал Крису, хотя я видела, что он украдкой бросал на него взгляды, как будто его удивляло, что Крис всегда великолепно выглядит. Мелоди и Джори, Крис и я, Барт и Джоэл встали кружком у нижних ступеней лестницы, при этом все, кроме Джоэла, пытались говорить одновременно. Вдруг...

– Мама, папа! – окликнула нас Синди, сбегая по ступенькам.

Чтобы не оступиться, она приподняла подол огненно-красного платья. Я повернулась, чтобы взглянуть на нее, и обомлела.

И где только она откопала столь шокирующее одеяние?! Это было нечто вроде специальной приманки для мужчин, все женские прелести были видны как на витрине. Я замерла от страха, почувствовав, какова будет реакция Барта. Все мое веселье сбежало с меня, как прокисшее вино, и утекло сквозь серебряные туфли в пол. Платье обтягивало Синди, подобно алой коже, вырез опускался почти до талии, и было совершенно очевидно, что она не надела никакого белья. Пики ее груди вызывающе выступали и дразняще подпрыгивали, когда она двигалась. Облегающая тело атласная оболочка была внизу срезана по косой, и она действительно обтягивала... еще как обтягивала. Не было ни складочки, ни морщинки, выдающей излишний жирок, – только прекрасное юное тело, которое Синди очень хотелось показать.

– Синди, вернись в свою комнату, – прошептала я. – И надень то голубое платье, в котором ты обещала быть. Тебе шестнадцать, а не тридцать.

– Ой, мама, не надо быть такой скучной. Времена изменились. Сейчас модно обнажать тело. Модно! И по сравнению с другими платьями, которые я могла бы выбрать, оно совсем скромное.

Взглянув на Барта, я поняла, что он не считает наряд Синди совсем скромным. Он стоял совершенно огорошенный, лицо его пылало, вытаращенными глазами он смотрел, как она семенит, поскольку юбка так плотно обтягивала ее ноги, что она еле переступала ими.

Барт взглянул на нас, затем снова уставился на Синди. Он был так возмущен, что не мог говорить. Надо было скорее что-то придумать, чтобы успокоить его.

– Синди, пожалуйста, беги наверх и переоденься во что-нибудь более приличное.

Синди в упор смотрела на Барта. Она явно ждала, что он предпримет. Впечатление, которое она на него произвела, удовлетворило ее; кажется, ей даже понравилась его реакция, вытаращенные глаза, разинутый от изумления рот: она была довольна тем, что он возмущен и шокирован. Чтобы показать себя во всей красе, она продефилировала вокруг нас, как гарцующий пони, поскрипывая своей оболочкой и вызывая вихля бедрами. Джоэл придвинулся поближе к Барту, его водянисто-голубые глаза с холодным презрением оглядели Синди с головы до ног, затем встретились с моим взглядом. «Посмотри, кого ты воспитала!» – без слов сказал он.

– Синди, ты слышала, что сказала мама? – прорычал Крис. – Сделай, как она сказала! Немедленно!

Возмущенная его окриком, Синди замерла, с вызовом посмотрела на него, покраснела, но не повиновалась.

– Пожалуйста, Синди, – попросила я. – Вот и отец тебя просит. Другое твоё платье очень красиво и идет тебе. То, что надето на тебе сейчас, вульгарно.

– Я достаточно взрослая, чтобы самой решать, как мне одеваться, – сердито сказала она, не двинувшись с места. – Барт любит красное, вот я и надела красное!

Мелоди взглянула на Синди и беспомощно оглянулась на меня, пытаясь улыбнуться. Джори засмеялся, приняв все за шутку.

Но весь раж у Синди уже пошел на убыль, фарс окончился. Она как-то вся сникла и, остановившись перед Джори, изучающе посмотрела на него:

– Ты выглядишь превосходно, Джори, и ты тоже, Мелоди...

Очевидно, Джори не знал, что ответить и куда глаза девать от смущения, он посмотрел в сторону, потом назад, и все лицо его, начиная от ворота рубашки, стало медленно краснеть.

– А ты... ты совсем как... Мэрилин Монро...

Барт резко дернул головой и снова свирепо оглядел Синди. Его лицо еще больше вспыхнуло, казалось, от него уже идет дым. Он взорвался, потеряв контроль над собой:

– Немедленно убирайся в свою комнату и надень что-нибудь приличное! Немедленно, слышишь! Двигайся, пока не получила по заслугам! Я не потерплю, чтобы в моем доме кто-нибудь был одет как шлюха!

– Пропади ты пропадом, гадина! – взвилась она.

– Что ты сказала? – завопил он.

– Я сказала: пропади пропадом, гадина! Я буду в том, что на мне надето!

Я видела, что она вся дрожит. Но на этот раз Барт был прав.

– Ну, в чем дело, Синди? Ведь ты и сама понимаешь, что платье твое неприлично и шокирует любого. Сделай, что мы просим, – поднимись вверх и переоденься. Не нарывайся на новые неприятности: ведь ты в самом деле выглядишь как уличная девка и сама это понимаешь. У тебя всегда был хороший вкус, как же ты могла выбрать эту вещь?

– Мама! – заплакала она. – Мне из-за вас плохо!

С угрожающим выражением на лице Барт шагнул к ней. Вдруг Мелоди, раскинув тонкие белые руки, встала между ними и умоляюще обратилась к Барту:

– Разве ты не видишь, что она это сделала специально, чтобы разозлить тебя? Успокойся, своим гневом ты только доставишь ей удовольствие.

И, повернувшись к Синди, холодно и повелительно произнесла:

– Ну что ж, Синди, ты достигла того эффекта, на который рассчитывала. Почему бы теперь тебе не подняться в свою комнату и не надеть то голубое платье, которое ты и собиралась надеть сначала?

Барт шагнул мимо нас с Крисом, чтобы схватить Синди, но она отскочила и, обернувшись, стала дразнить его за то, что он слишком медлителен и не может догнать ее, хотя на ней и надета такая узкая, сковывающая движение юбка. Я готова была отшлепать Синди, услышав, как нежным воркующим голосом она произнесла:

– Барт, дорогой, я была уверена, что тебе понравится это ярко-красное одеяние... а поскольку ты считаешь, что я дрянь, дешевка, я решила не обманывать твоих ожиданий и сыграть ту роль, которую ты сочинил для меня.

Одним прыжком он настиг ее и ударил ладонью по щеке. Боль и сила этого удара заставили Синди пошатнуться, и она плюхнулась на вторую ступеньку лестницы. Я услышала, как треснула ее узкая юбка, разорвавшись по заднему шву, и кинулась к ней на помощь. Слезы потекли из ее глаз.

Быстро поднявшись на ноги, Синди задом стала подниматься по ступенькам, стараясь сохранить собственное достоинство.

– А все-таки ты гадина, братец Барт. Станный извращенец, который не воспринимает реальный мир так, как другие. Ты или девственник, или, хуже того, гей!

Гнев на лице Барта заставил ее быстрее вскарабкаться по ступеням. Я сделала движение, чтобы остановить Барта, но он оказался проворнее. Безжалостно оттолкнув меня так, что я тоже чуть не упала, он кинулся за Синди. Плача, как наказанный ребенок, она исчезла, преследуемая Бартом.

Издали до меня ясно донесся крик Барта:

– Как ты осмелилась насмехаться надо мной? Ты маленькая дрянь, чье имя я всегда защищал, когда слышал всякие грязные рассказы о тебе. Я считал, что они лгут. Теперь ты доказала, что ты в точности такая, как о тебе рассказывали! Как только окончится этот бал, я не захочу даже видеть тебя!

– Спроси, захочу ли я видеть тебя! – закричала она. – Я ненавижу тебя, Барт! Ненавижу! Слыша ее выкрики и вопли, я кинулась вверх по лестнице, хотя Крис пытался удержать меня. Вырвавшись, я успела подняться на пять ступенек, когда появился Барт с довольной усмешкой на красивом, но все еще злом лице. Проходя мимо меня, он прошептал:

– Я задал ей такую взбучку, какую она еще ни разу не получала, – отшлепал как следует. Если через неделю она сможет сидеть, значит ее зад сделан из железа.

Я оглянулась и увидела, как Джоэл нахмурился при этих словах.

Не обращая на этот раз внимания на Джоэла, улыбаясь приветливо, как настоящий хозяин, Барт выстроил нас в шеренгу для встречи гостей, и вскоре гости стали подъезжать. Барт представлял всех нас людям, с которыми я и не подозревала, что он был знаком. Я была изумлена его умением держаться, легкостью, с которой он здоровался со всеми, радушием, с которым он принимал гостей. Его однокашники ввалились толпой, как будто все одновременно захотели увидеть и оценить все, о чем он им рассказывал. Если бы Синди не надела это ужасное платье, я могла бы по-настоящему гордиться Бартом. Но из-за этого случая меня не покидало беспокойство, вдруг он действительно знает что-то, что подтверждает его предположения о поведении Синди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.